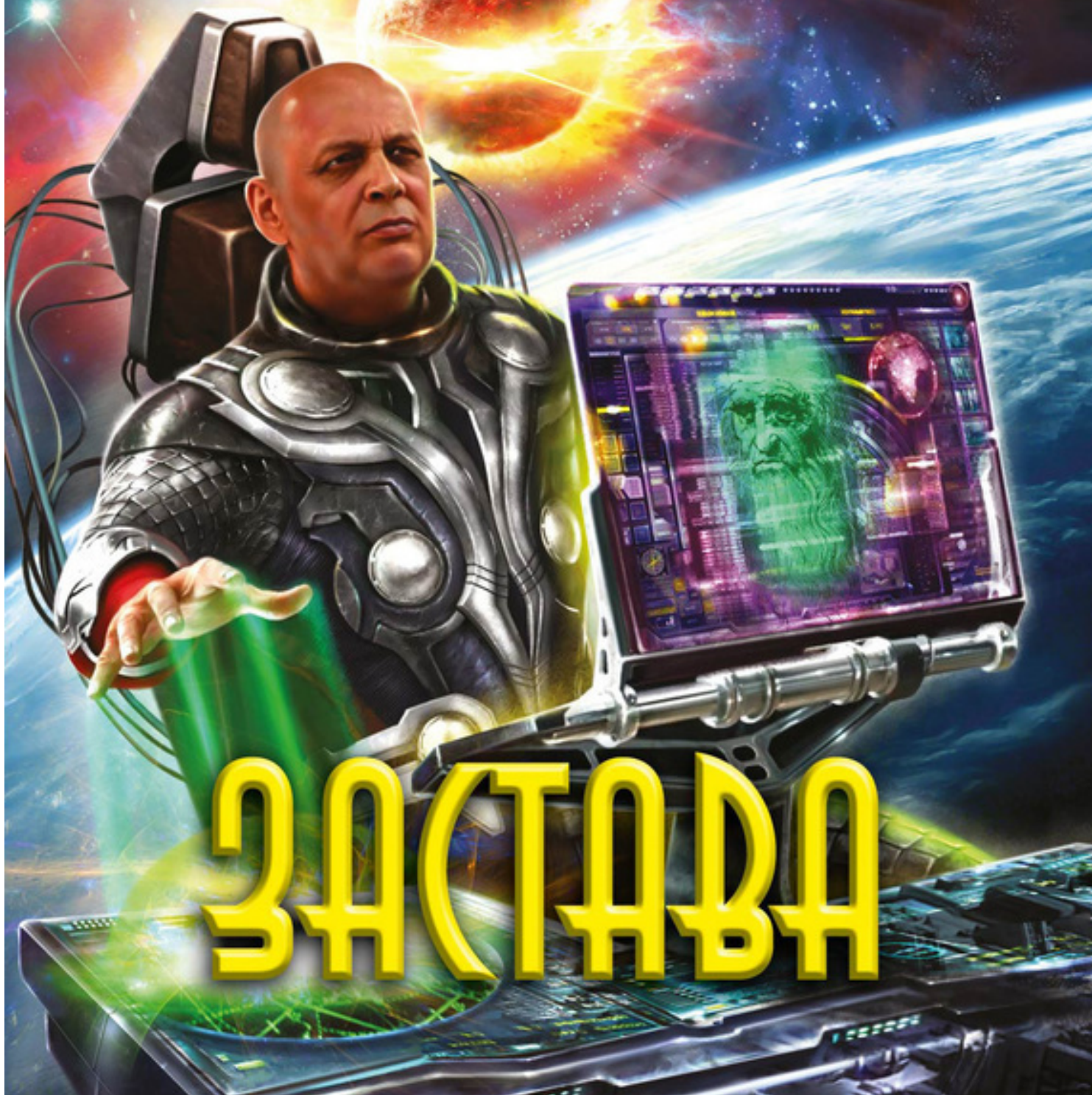

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

Василий Головачев

Застава

«ЭКСМО»

2013

Головачев В. В.

Застава / В. В. Головачев — «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67801-3

Обладающий знанием – владеет оружием, говорили древние. В тайной войне ксенотов против человечества за глобальный контроль над Землей таким оружием становится информация, которой владеют хроники – люди, способные спускаться по наследственной памяти в глубины прошлого. Потому-то за писателем Ватшиным и математиком Уваровым начинается настоящая охота. Сберечь их от беды, не дать «зеленым нечеловечкам» еще один шанс против землян – сейчас главная задача бойцов спецподразделения «Застава» во главе с полковником Гордеевым. Однако в противостояние вмешивается «третья сила», и ситуация становится непредсказуемой...

ISBN 978-5-699-67801-3

© Головачев В. В., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
1. Ватшин	6
2. Переход на новый уровень	12
3. Уваров	20
4. Игра в прятки	29
5. Непредвиденное	31
Глава 2	39
1. Извне-1	39
2. Не успеем!	41
3. У меня много жизней	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Василий Головачёв

Застава

© Головачев В.В., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Такое действительно может видеть только бог – через дырку оставленного в человеческом сознании служебного люка.

В. Пелевин. *Batman Apollo*

Глава 1

Извлечение из прошлого

1. Ватшин

Негустой лиственный лес уступил место зарослям карликовой берёзы, продираться через которые стало необычайно трудно. Но вскоре заросли кончились, и теперь впереди до самой вершины горной гряды были видны только разнокалиберный щебень и редкие плоские валуны, похожие на оббитые по краям плиты тротуара.

К хребту Фомин вышел к вечеру, который в этих широтах летом почти не отличался от полуденных часов. Ну, может, солнце чуть ниже спускалось к гребням гор, ветерок стихал, да комары становились злее и назойливее.

Покрасневшее солнце справа освещало распадок с высохшим ручьём, склоны гор, слева – скопления скал, напоминающие остатки каменных башен и скульптур. Зелёного в цветном ковре пейзажа было мало, лиственные и хвойные леса ушли назад, к южной оконечности плоскогорья, здесь же преобладали коричнево-серые, с жёлтым или шоколадным оттенком тона, расцвеченные чуть более яркими выходами минералов.

Изредка в обнажениях скал сверкали гранями кристаллы полевого шпата и пластины слюды, но всё же основной цвет плоскогорья был коричнево-серый.

Взгляд остановился на обломке скалы, выступающем из осыпи горной стены. Обломок имел необычно строгие геометрические очертания. В лучах заходящего солнца он был виден отчётливо и казался раскалённым, как после выхода из печи. Но раскалённым он казался лишь в оранжево-красных солнечных лучах, и, если бы не его форма, Фомин не заинтересовался бы камнем.

Пришла идея подняться и рассмотреть глыбу поближе.

Фомин сделал глоток воды из фляги на поясе, медленно взобрался на уступ скалы и увидел ещё несколько каменных обломков прямоугольной формы. Они утопали в щебне и были почти не видны под зарослями кустарника и лишайника. Если бы Фомин не поднялся выше, он бы их не заметил. Не веря глазам, археолог потрогал гладкий бок ближайшего камня, больше похожего на гигантскую плиту или колонну, обработанную человеческими руками.

Но он знал, за чем шёл, и на удивление времени не тратил. Сфотографировал первую глыбу с трёх сторон, с трудом обогнул нагромождение скал и выбрался к другим параллелепипедам, образовавшим нечто вроде огромного каменного уступа или стола, разбитого то ли давним взрывом, то ли землетрясением.

Вывод напрашивался сам собой: перед Фоминым лежала изрядно разрушенная искусственная кладка, принадлежавшая не то основанию огромной пирамиды, не то фундаменту колоссального храма, не то посадочной площадке космодрома... которого в отрогах Вилюя не могло быть!

Уняв поднявшееся в душе волнение, Фомин сфотографировал блоки сбоку, затем поднялся ещё на два десятка метров по склону горы и сфотографировал «кладбище» разбитых блоков сверху. Площадь обнаруженного «стола» была огромна, не менее квадратного километра, и Фомину опять пришла в голову мысль, что он видит остатки древнего космодрома.

Он спустился к первому блоку и начал ставить палатку. Спешить ему было некуда, до речки Олгуйдах, на берегах которой были обнаружены загадочные металлические котлы, и до

знаменитой Долины Смерти, куда он стремился попасть, оставалось совсем немного, чуть больше трёх километров, а находка «космодрома» убеждала, что он на правильном пути...

* * *

– Вот фотографии, – подал толстый конверт Гордеев.

Ватшин вынул пачку снимков, с минуту рассматривал их, удивляясь хорошему качеству изображений.

Сидели у него дома, в кабинетике, приближалась ночь, и пришлось зажечь настольную лампу.

– Когда снимали?

– Больше года назад, на цифровую камеру. Но нам эти фотографии достались всего месяц назад, – сказал руководитель «Заставы». – К сожалению, фотограф – Тимофей Свиридович Фомин – погиб.

Рука Ватшина дрогнула.

– Как?

– Скорее всего смерть археолога не была случайной, мы разбираемся. Но он успел сделать исключительное открытие и передать дневник своего похода в надёжные руки.

– Он дошёл до... Долины Смерти?

– Дошёл и даже успел найти ещё один котёл в речном откосе Олгуйдаха, прежде чем испортилась погода и ему пришлось возвращаться. Мы готовим туда экспедицию.

– Котлы похожи на... боксы для хранения...

– Дэн утверждает, что это энергетические модули, разлетевшиеся по всему Вилюю после взрыва корабля-матки. Фомин наткнулся на площадку для приземления... или для старта корабля.

Ватшин скептически хмыкнул:

– Строить космодромы непродуктивно. Уже сегодня понятно, что современные космолёты должны использовать не жидкостно-реактивную тягу, а полевую, антигравитационную, струнно-тоннельную. Для них не нужны искусственные площадки для старта и посадки.

– Речь идёт о древних временах.

– Какая разница? Чтобы пересечь звёздные расстояния, нужны иные технологии, никакие ракеты не помогут изучить Галактику.

– Вот для уточнения этого постулата мы и решили подсунуть вам задачку – посмотреть в прошлом бассейн Вилюя и его притоков, кто там садился, когда, что строил и зачем. Сан Саныч утверждает, что хроник вы посильнее, чем он.

Лесть была приятна, однако Ватшин подумал об этом мимолётно, рассеянно.

– Сам-то он что ж?

– Уваров занят другими делами, не менее важными. А вас мы планируем направить на изучение земных артефактов, если не возражаете, особенно на территории России. Здесь обнаружено много интересного.

Ватшин усмехнулся.

Гордеев ощупал его лицо умными серыми глазами.

– Вы в чём-то сомневаетесь?

– Вспомнил чью-то шутку: если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. По твёрдым губам полковника скользнула беглая улыбка.

– С Богом мы договоримся. Ваше решение?

Ватшин помолчал. Он не был ни агентом разведки, ни сотрудником спецслужб, ни мастером рукопашного боя, он был писателем, а жизнь заставляла его воевать.

– Почему к нам такое внимание?

– К кому – вам?

– Ко мне... к Сан Санычу.

– Вы – хроники, видящие прошлое, а иногда и будущее, таких людей – единицы на миллиарды живущих, на всё население Земли. Ваше умение видеть – это оружие колоссальной мощи. Вот почему за вами гонятся и будут гоняться все мировые спецслужбы, но в первую очередь ксеноты.

– Я думал – наоборот...

– Нет, именно так. Для ксенотов вы – залог их успеха в деле полного подчинения человечества.

– А если мы откажемся работать?

– С нами?

– С вами... и с ними... скроемся где-нибудь, чтобы нас не нашли.

Гордеев побарабанил пальцами по подлокотнику кресла, по лицу его прошла тень.

– Не скроетесь, Константин Венедиктович, нет такого места на Земле. К тому же хроники долго не живут, ориентируйтесь на это обстоятельство.

Глаза Ватшина стали круглыми.

– Почему? Не живут?!

Гордеев снова усмехнулся:

– Вы слишком много знаете. С нами вы будете в безопасности... относительной, конечно, потому что ничего абсолютного в природе не существует, но в пределах наших возможностей мы безопасность гарантируем, без нас же вы...

– Понятно. – Ватшин ссутулился над столом перед призрачным кубом объёмного монитора, в котором плавали, превращаясь друг в друга, цветные геометрические фигуры. – Не так уж много я знаю.

– Талант хроника в вас только-только проклюнулся, всё впереди. Сан Саныч по этому поводу шутит: я очень много знаю, но практически ничего не помню.

Ватшин бледно улыбнулся. Математик Александр Александрович Уваров, Сан Саныч, как его все звали, был первым хроником, согласившимся сотрудничать с «Триэн» – глубоко законспирированной организацией, созданной для борьбы с тихой инопланетной агрессией и получившей свое название от аббревиатуры «Никого над нами». И в правильности своих решений Уваров не сомневался. В отличие от Ватшина.

– Я ничего не умею... ещё напортачу...

– Научим, – рассмеялся руководитель «Заставы», одного из подразделений «Триэн», которое непосредственно работало с хрониками и организовывало их охрану. – Никогда не бойтесь делать то, чего не умеете. Помните, ковчег сделали любители, профессионалы построили «Титаник».

Улыбнулся и Ватшин. На душе стало легче. Гордеев видел его насквозь, но относился к нему без пренебрежения и шутил не обидно, а главное – представлял собой силу, на которую действительно можно было опереться.

– Итак, поможете?

– Куда ж я денусь с подводной лодки, – как можно твёрже сказал Константин. – Полистаю материалы о Вилую и попробую сходить в прошлое, посмотреть, что там происходило.

– Тогда разрешите откланяться. – Полковник встал. – Мы готовим экспедицию в район Верхнего Вилую, в Долину Смерти, хорошо бы к этому моменту иметь данные – что и где искать.

Ватшин проводил его до двери, вернулся в кабинет.

Вошла жена в домашнем халатике, присела на краешек стула. Красивая, милая, тёплая, заботливая, не испугавшаяся трудностей. Дариня, как выразился Сан Саныч, когда они заговорили о подругах во время одной из встреч. Как её уберечь от беды, оградить от опасности?

Существует ли такая возможность? Или ей всю жизнь придётся следовать за мужем, не принадлежащим себе, за которым охотятся не простые уголовники или коллекторы (слава богу, он никому ничего не должен), а инопланетяне?

– Что молчишь? – тихо спросила она. – У нас всё плохо?

Он улыбнулся, привлёк Люсю к себе, поцеловал в пахнущую чистотой шею.

– У нас всё хорошо, котёнок, и будет хорошо! Хотя забот, конечно, прибавилось. Я, наверно, не дотяну до понедельника.

Люся напряглась, отодвинулась, глаза её потемнели.

– Ты заболел?!

– Что? – не понял он. – Ах, это... извини, оговорился, я имел в виду – начну писать роман раньше, давно подготовил материал. Намечал начать в понедельник, а сегодня пятница.

– Не пугай меня больше! Шутник.

– Не буду.

– Хочешь, заварю свежего чаю?

Он колебался.

– Не хочу, лучше морсу сделай. А я пока посижу в Сети, скачаю кое-какую информацию по Вилюю.

– Это где? – простодушно спросила жена.

– Якутия, далеко за Уралом.

– Зачем тебе?

– Иван Петрович просил посмотреть, там недавно нашли остатки каких-то древних сооружений.

– Ладно, занимайся. – Люся упорхнула на кухню.

Ватшин ещё раз, более внимательно, просмотрел переданные Гордеевым фотографии и влез в Википедию, где хранился материал о реках вилюйского бассейна, а также о знаменитой Долине Смерти – Елюю Черкечех, которую изучал погибший археолог Фомин.

Разумеется, как писатель-фантаст и вообще разносторонне информированный и любознательный человек Ватшин знал о существовании Елюю Черкечех, но пока что эта тема его не слишком интересовала, писать романы о контактах жителей плато с пришельцами он не планировал. Тем неожиданнее была просьба Гордеева «посмотреть прошлое» Вилюя, и Константин ощутил дрожь в жилах – как тигр, почуявший добычу. Проявить себя с этой стороны – в качестве хроноразведчика – он не планировал.

Компьютер развесил в мониторе требуемый материал.

История открытия Долины Смерти насчитывала почти сто пятьдесят лет. Её обследовали как заезжие иностранцы-путешественники, так и русские географы, геологи и археологи. Были найдены и описаны металлические «котлы», лежащие в болотах и реках Олгуйдах и Алгый Тимирбить, пещера, где, по легенде, некогда жил великан Уот Усуму Тонг Дуурай, и обработанные технологическим путём задолго до появления здесь человека каменные плиты и столбы.

Археолог Фомин как раз и наткнулся на плиты, возраст которых, по его прикидкам, был не меньше десяти-двенадцати тысяч лет.

Люся позвала пить горячий морс.

Посидели на кухне, поговорили о житейских делах, о предстоящем отдыхе на Алтае с друзьями, и Константин вернулся в кабинет, настраиваясь на хроноразведывательный поход.

Погружение в спящую вселенную собственной психики произошло естественным образом, без долгой медитации, стоило ему только сосредоточиться на полной тишине. Мысль прыгнула в прошлое, в неведомые глубины Всего и Вся. Психика этот процесс воспринимала как спуск на воображаемом лифте, прозрачные стенки которого позволяли разглядеть пролетающие мимо картины прошлого.

Отсчёт времени давался труднее всего. Сказывалось отсутствие опыта. Сознание просто не умело сравнивать промежутки времени длительностью меньше одного года. Удавались лишь погружения на сотни и тысячи лет в прошлое, когда память предков возвращалась толчками, словно лифт останавливался на этажах, соответствующих разным эпохам, когда приходило понимание процесса и оценка «кванта» прошедшего времени, который мог быть равен и столетию, и миллионолетию.

Константин представил местность в долинах рек – притоков Вилюя и сосредоточился на глубоком нырке в прошлое на двенадцать тысяч лет.

Мысленный прожектор высветил сначала всю Землю, словно Ватшин летел над ней на космическом корабле, потом поле зрения резко сузилось, и он спикировал на зелёно-коричневое полотно Красноярского края, изрезанное лентами рек, главной из которых была Лена, а из её притоков – Вилюй, чья длина достигала двух тысяч шестисот пятидесяти километров.

Небо потемнело, впереди проявилась скальная стена, усеянная трещинами и круглыми дырами искусственных пещер. Предок, глазами которого Константин и видел пейзаж, повернулся, взору представилась речная долина в обрамлении крутых каменистых откосов. На левом берегу реки шла работа: многолапые механизмы в клубках пыли вырезали из горного склона гигантские блоки величиной с приличный пассажирский самолёт и грузили на висящую над берегом платформу, способную уместить с десяток океанских танкеров.

Вокруг платформы плавали странной формы – чешуйчато-щетиновые – летательные аппараты, изредка ныряя в пещеры выше по склону.

По другую сторону реки высилась огромная башня, опиравшаяся на два десятка трубообразных стабилизаторов чёрного цвета. Куполовидный верх башни был откинут, и в небо из её недр поднимались чёрные сплюснутые шары, истекающие голубыми электрическими молниями.

Смысл всего действия был Ветшину недоступен, но он и не пытался его постичь. Для него было ясно главное, что неведомые существа прилетали на Землю и раньше, а в районе Вилюя строили свою базу. Или устанавливали маяки и порталы. Кто это был – люди-змеи или люди-ящеры, не имело существенного значения. Гордеев и его соратники не зря вспомнили о Долине Смерти в бассейне Вилюя, в древние времена эти места были обжиты чужими, и следы их сооружений не исчезли бесследно.

Внезапно в небе загорелось второе солнце! Оно выпустило огненную стрелу, и эта стрела, превратившись в гигантский пламенный язык, вонзилась в башню.

Во все стороны ударил вихрь дыма, пыли и осколков. Выпущенные вверх шары стали разлетаться по окрестностям, оставляя за собой дымные следы.

Зашатались горы!

Чудовищный грохот обрушился на барабанные перепонки.

Ватшин охнул и машинально дёрнулся «назад», домой, к тишине и покою.

Картина разгула стихий подёрнулась дымкой, распалась на призрачные отражения, исчезла. Душа окунулась в глухую темноту безвременья... и вынырнула в родную реальность, сотканную из устойчивого кресла, обстановки кабинета, компьютера, картин на стенах и подтверждённую появлением жены с кружкой ягодного морса. Увидев, что муж открыл глаза, она подала ему кружку.

– Пей.

Он послушно ополовинил кружку, ощущая радость от того, что находится дома, а не в горах, слабо улыбнулся.

– Кайф!

– Где был? – с интересом спросила Люся. – Я заходила – ты грезил. Далеко ходил?

– Далеко... и глубоко... на двенадцать тысяч лет назад.

– Что видел?

– Высадку инопланетян... или наших предков... хотя нет, они что-то строили. А потом с неба по ним ударили энерголучом... или направили на них ионосферный пробой. Короче, воюют там.

– Кто с кем?

– Да непонятно, я видел только разного рода машины да звездолёт. Хоть роман пиши. Жаль, что я раньше этим не интересовался.

– Раньше ты не был хроником.

– Был... только не знал. Иван Петрович прав, в России следов ксенотов, прилетавших тысячи и миллионы лет назад, до фига. Пора ими заняться, вычислить координаты баз и направить туда экспедиции.

– И ты туда пойдёшь? – испугалась Люся.

Он улыбнулся.

– Для этого писатели-фантасты, да и хроники тоже, не нужны. Мы с Сан Санычем только разведчики. Точнее – хроноразведчики. Теперь я понимаю, зачем Иван Петрович попросил вскрыть историю Вилюя.

– Зачем Ивану Петровичу знать историю Вилюя?

Ватшин сделал строгое лицо.

– Это секретная информация!

Люся фыркнула.

– Мне уже страшно. Я и так все ваши тайны знаю. Колись.

– Допускаю, что федералы давно и серьёзно занимаются проблемами НЛО, аномальных явлений и поисками баз пришельцев. А если учесть, что инопланетяне посещали Землю в прошлом не один раз, их древние базы могут дать колоссальное знание. Если ксеноты расположились у нас как у себя дома, они имеют технологии перемещения в пространстве и пользуются ими так же свободно, как мы автомобилями. Если мы раскроем секреты телепортации, да и не только телепортации, а много чего ещё, мы сможем выгнать чужих с нашей территории. Поэтому Иван Петрович и заинтересован в моих хронопоходах.

– Он хороший человек. Тебе повезло, что ты с ним.

– Ему повезло не меньше, – высокомерно отмахнулся Константин.

Люся засмеялась, чмокнула его в щеку, поднялась.

– Я ложусь спать, не сиди долго.

Ватшин отвернулся к объёмному пузырю монитора, замороженно понаблюдал за плавающими в нём геометрическими фигурами, потом встряхнулся, выключил компьютер и удобнее расположился в рабочем кресле.

Спать не хотелось. Картина стройки в горах по берегам Вилюя стояла перед глазами, и душа рвалась туда, чтобы найти тех, кто задумывал стройку. А заодно и тех, кто нанёс удар по башне-звездолёту. Может быть, строители и соорудили там базу, где остался древний робот-охранник, которого якуты называли Уот Усуму Тонг Дуурай. И который, если верить мифам, и выпускал из пещеры огненные шары, превращавшиеся впоследствии в те самые металлические котлы, найденные предками северных народов по берегам рек.

Интересно, что это такое на самом деле? Энергомодули? Цистерны для хранения топлива? Или не топлива, а плазмы, к примеру?

Глаза Ватшина закрылись. Мысль-воля заняла «кабину лифта» и нырнула в прошлое...

2. Переход на новый уровень

Негосударственная структура «Триэн» появилась в России в начале двадцать первого века как служба оперативного реагирования на рост некоммерческих организаций, финансируемых и управляемых из-за рубежа и приносящих огромный вред российскому социуму. Разумеется, организаторами этой структуры и её идейными вдохновителями были чекисты, люди с высоким интеллектом, понимающие, что разгул либерализма и демократии, а точнее – демократии, ничего хорошего стране и народу не принесёт.

Затем, когда спецслужбам стали известны факты присутствия на Земле инопланетных «гостей», на Совете руководителей «Триэн» было принято решение сформировать отряд, расследующий деятельность инопланетян в России. Так появилось особо засекреченное подразделение «Застава», которой поручили всю оперативно-тактическую работу по выявлению агентов-ксенотов, как их стали называть сами ксенопограничники, и их уничтожению. Руководителем «Заставы» был назначен полковник ФСБ, начальник внутренней службы противодействия коррупции в рядах ФСБ, комиссар Второго Круга «Триэн» Гордеев Иван Петрович.

К моменту повествования «Застава» вышла на две структуры, принадлежащие разным инопланетным сообществам: на «Ксенфорс», созданный драконами, инопланетными драконовидными существами, и на «Герпафродит» – организацию, управляемую герпами, змеелюдьми.

Конечно, агенты и эмиссары обеих организаций, стремившихся установить глобальный контроль над человечеством, присутствовали на Земле не в своём естественном облике. Они применяли маскиры, превращавшие их в людей – по виду, разумеется, потому что в остальных отношениях это были нелюди. Хотя их деятельность была видна всем думающим людям вполне отчётливо, стоило только вспомнить министров здравоохранения, сгубивших малую медицину в глубинке России, что усугубило демографический кризис, и министров образования, сумевших чуть ли не до основания разрушить начальное, среднее и высшее образование и взявшихся за науку.

Оба последних российских министра были змеелюдьми.

К счастью для жителей России, как, впрочем, и всего мира, герпы конкурировали с драконами в области управления территориями планеты и вели яростную, хотя и по большей части психическую, нешумную войну. Именно вследствие давнего их конфликта Земля всё ещё не была оккупирована ксенотами, и «Заставе» удавалось ограничивать деятельность обеих ксеноструктур, сталкивая их меж собой. Но чаще ксенопограничники «Заставы» нейтрализовывали ксенотов с помощью оперативных мероприятий, что резко сужало поле деятельности инопланетных завоевателей и заставляло их убираться с насиженных территорий.

Так, в результате недавней операции, завязанной на охоте за хрониками – людьми, видящими прошлое, «Заставе» удалось выйти на столичные центры «Ксенфорса» и «Герпафродита» и нейтрализовать их. Однако все сотрудники «Триэн» понимали, что это лишь тактический успех. До стратегического решения задачи ещё очень далеко.

Одиннадцатого мая Гордеев получил SMS-предложение от частного оператора связи «Мутофон» зайти в магазин «Леди и джентльмены» на показ новой летней коллекции одежды. Это означало вызов координатора «Триэн», должность которого занимал заместитель директора ФСБ генерал-лейтенант Кузьмичёв Феофан Свиридович. Иван Петрович глянул на время получения эсэмэски, прибавил полтора часа – полученная цифра означала время прибытия, – вызвал машину. В данный момент он находился в Волоколамске, где «Застава» имела тренировочный лагерь.

Через час с небольшим чёрный спортивный «Рэндж Ровер» комиссара въехал на территорию технологической зоны Белорусского вокзала, где под видом отделения инженерной службы РЖД Московской области располагался секретный офис ФСБ, и припарковался в тени

лесопосадки, рядом с двумя такими же «кроссOVERами» и белыми «Руссобалтами». Полковник вошёл в двухэтажное неприметное здание с решётками на окнах и пошарпанной вывеской над входной дверью: «Отделение РЖД М. О.».

Территория владений ФСБ охранялась, но со стороны этого заметить было невозможно, для охраны и наблюдения за передвижением всех гостей применялись суперсовременная система «Аргус-М» на основе нанотехнологий и скрытые телекамеры.

В кабинете Кузьмичёва уже находились трое: сам генерал, имевший вид рафинированного интеллигента и похожий больше на дирижёра симфонического оркестра, как выразился командир опергруппы капитан Соломин, главный логистик «Заставы» по прозвищу Дэн (мало кто знал его настоящие фамилию, имя и отчество), с курчавыми волосами и ухоженной бородкой-колечком, и плотный осанистый рыжеватоый мужчина средних лет, спортивного телосложения, с породистым продолговатым лицом и скорее не карими, а рыжеватыми глазами. У него была родинка под левым глазом.

– Товарищ генерал? – остановился Гордеев.

– Проходи, Иван Петрович, садись, – повёл рукой Кузьмичёв.

Гордеев сел напротив рыжеволосого, бесстрастно реагируя на его изучающий взгляд.

– Знакомьтесь, Юлий Тарасович Веселов, полковник Службы внешней разведки. Глава Европейского отдела «Триэн».

Рыжеволосый крепыш наклонил голову.

– Гордеев Иван Петрович, полковник, командир «Заставы».

Гордеев бросил вопросительный взгляд на Кузьмичёва. Он не предполагал напрямую знакомиться с людьми, о существовании которых комиссариат «Триэн» его не предупреждал.

То, что разведчик не подал ему руку, Гордеева не удивило. Люди в большинстве своём ещё в две тысячи пятнадцатом году перестали здороваться за руку, так как уже стали достоянием общественности случаи запуска нанороботов-киллеров через рукопожатие. И этот опыт распространился по всему миру.

– Юлий Тарасович будет теперь заниматься внутрироссийскими делами и назначен моим заместителем, – добавил Кузьмичёв.

Гордеев встретил философски-безразличный взгляд Дэна, говорящий: я здесь ни при чём.

Руководитель «Триэн» понял возникшую паузу.

– Юлий Тарасович проверен и надёжен, хорошо зарекомендовал себя в европейских операциях. Родился в Ленинграде, выпускник МГТУ имени Баумана, кандидат технических наук, член президиума научно-технического совета госкорпорации «Росатом».

– И полковник СВР? – хмыкнул Гордеев.

Веселов дружелюбно улыбнулся, показав ровные белые зубы.

– У каждого свой путь к пониманию себя. Я работал с вами под другим ником, вы должны помнить.

– Тевтон, – подсказал Дэн.

В душе поднялась буря чувств, так как под оперативным псевдонимом «Тевтон» работал человек, имеющий выход на властные структуры Евросоюза и много сделавший для «Триэн», однако Гордеев не ожидал, что он встретит этого деятеля в кабинете Кузьмичёва. Тем не менее на лице полковника не дрогнул ни один мускул.

– Помню.

В глазах Веселова зажглись и погасли насмешливые искры. Он понял чувства руководителя «Заставы».

– Будем работать в контакте, полковник?

– Как прикажут, – пожал плечами Гордеев, посмотрел на координатора. – Что-то изменилось? Я чего-то не знаю?

Кузьмичёв и Веселов переглянулись.

– Изменилось, – сказал генерал. – Сразу в двух западных регионах мы потеряли блок-офисы «Триэн» – в Брюсселе и в Париже. Юлию Тарасовичу чудом удалось избежать раскрытия и вернуться в Россию. В связи с этим мы переходим на новый уровень – с децентрализацией системы управления. Контактные центры становятся чересчур уязвимыми. Дэн разработал криптосистему управления через мобильную сеть, коды и линии ЧС. Личные контакты отменяются, иначе мы не выживем. Нынешняя встреча в этом ракурсе последняя.

– Базы?

– Базы остаются на прежних местах, кроме тульской, её придётся передислоцировать поближе к столице, можете сами предложить район. Количество схронов придётся сократить, как и количество охраняемых персон.

– Мы прикрываем хроников непосредственно в местах их проживания. Если снимем охрану...

– Никто не говорит о снятии охраны с хроников, – перебил Гордеева генерал. – Речь идёт об изменении статуса ценных кадров и, как следствие, об изменении их жизненного уклада. Сейчас они на виду, что неправильно, так как, несмотря на нейтрализацию баз ксенотов, угроза перехвата не исчезла. Обоих нужно переселить, причём незаметно, чтобы комар носа не подточил. Наши враги не должны будут знать, что хроники живут в других районах.

Гордеев помолчал.

– Хорошо, товарищ генерал. Хотя хроники – не военные люди, и решать за них, приказывать им исполнять наши команды мы не вправе.

– Они поймут.

– Дай-то бог.

– Охарактеризуйте обоих, – попросил Веселов. – Я с ними не сталкивался и не знаю, что они собой представляют.

Гордеев посмотрел на Дэна.

– Уваров Сан Саныч, – сказал главный логистик «Заставы», – Близнец по знакам Зодиака, но упрям, как чистый Козерог, вынослив физически и психически, умеет работать, блестящий ум, железная воля, иногда возникает желание расслабиться, и тогда он играет в карты.

– Игра?

– Преферанс.

– Я тоже поигрываю, – кивнул Веселов. – Интересно было бы встретиться с ним.

– Писатель Ватшин родился двадцать первого июня, это стык знаков Зодиака – Близнецов и Рака. Взял многое и от первого, и от второго. Сангвиник, любопытен, эмоционален, коммуникабелен, иногда бывает раздражителен, и тогда его заносит.

– Куда?

– В свои фантазии, – усмехнулся Гордеев. – Костя Ватшин – хороший писатель, но ещё большой ребёнок. А вот жена у него умница, таких называют даринями. Готова пойти за ним в огонь и в воду.

– Прекрасная характеристика.

– Это прелюдия, полковник, – сказал Кузьмичёв. – Идём дальше. Оцените обстановку.

Гордеев привычно помедлил.

– Если одним словом, то...

– Воруят, – развеселился Дэн.

Все посмотрели на него, хотя аналитика это не смутило.

– Я не прав?

– Прав, – поморщился Кузьмичёв. – Но это к нашим делам не относится.

– Мир сошёл с ума, разве не так? Кстати, не без помощи ксенотов. Все продают всё: от домашних вещей до собственных почек, рук и ног.

– Это далеко не полный перечень продающегося, – пожал плечами Веселов. – Нынче предлагают к продаже ураганы, циклоны, цунами, бури и землетрясения.

– Плюс участки на Луне, на Марсе и даже на планетах других звёзд, – подхватил Дэн. – Продаются уже и сами звёзды и целые галактики, хотя неизвестно, долетит ли до них когда-нибудь человек. И ведь находятся покупатели!

Гордеев хотел дополнить неожиданно эмоциональное выступление коллеги, но его опередил Веселов, продекламировав:

Теперь иль никогда!..
Сознание умирает,
Стыд гаснет, совесть спит!
Ни проблеска кругом,
Одно ничтожество
Свой голос возвышает.

Кузьмичёв поднял бровь, не ожидая от полковника СВР лирических отступлений.

– Семён Надсон, – добавил Веселов с ноткой превосходства, как показалось Гордееву. – Сказано сто с лишним лет назад, а такое впечатление, будто вчера и про нас.

– Господа-товарищи, – постучал по столу пальцем генерал. – Прошу не отвлекаться. Коль уж заговорили о хрониках, Иван Петрович, извольте доложить об их успехах, если они есть.

– Уваров набрёл на звёздную систему, почти ничем не отличающуюся от Солнечной. Причём по звёздным меркам недалеко – в пятнадцать световых годах от Солнца. Там есть или была цивилизация. Из двух десятков обследованных Сан Санычем звёзд, ближайших к нашему светилу, это первая, на планетах которой предполагается наличие жизни и разума.

– Вы думаете, эти сведения нам пригодятся? – скептически осведомился Веселов.

– Конечно, не сейчас, так в будущем, – ответил Дэн убеждённо. – Ксеноты должны каким-то образом перемещаться в пространстве, а раз мы не видим их космические корабли, значит, они овладели технологиями телепортации, позволяющей им чувствовать себя среди нас свободно. То есть я считаю, у них спрятаны на Земле порталы. Писатели братья Стругацкие называли эти порталы кабинами нуль-Т. Найдём кабины – и мы сможем посещать другие звёзды.

– Планы нескромные, – улыбнулся полковник СВР.

Гордеев вспомнил замечание Ватшина о планах, но повторять шутку не стал.

– Да, наши планы звучат фантастично, но они абсолютно реальны.

– Почему вы именно Уварова заострили на космических объектах? Насколько мне известно, писатель Ватшин информирован о космосе впечатляюще, судя по его романам.

– Мы по очереди выдаём им одни и те же задания, – признался Дэн, поправив очки. – Удивительно, но описывают они события прошлого почти одинаково.

– Это же непродуктивно. Простите.

– Этап совместной работы по одним и тем же объектам закончен, – сухо сказал Гордеев, досадуя, что Дэн сболтнул лишнее. – По сути, это было тестирование индивидуальных возможностей хроников. Впереди у каждого самостоятельная работа.

– Хотелось бы знать, что вы им планируете в прикладном порядке. Звёзды – это хорошо, но до них ещё надо добраться, а земных тайн столько, что хватит десятку хроников на обследование.

– Существуют разные темы: прошлое и будущее. Мы хотим знать и то и другое. Объектов для изучения действительно чрезвычайно много, в том числе и на территории России. Хотя я не сбрасывал бы со счетов Луну и Марс, куда уже устремились экспедиции. Полетят туда и российские корабли, вот почему мы запланировали хроноисследование нашего спутника и Красной планеты: хотелось бы посадить корабли там, где у ксенотов были когда-то базы.

– Кое-что мы уже обнаружили, – сказал Дэн. – Уваров наткнулся на Луне, в кратере Арзахель, на тоннель, уходящий в недра Луны. Тоннель явно искусственного происхождения. А Ватшин совершил хронорейд в прошлое Вилюя и увидел схватку двух сил, в результате которой и образовалась Елюю Черкечех – Долина Смерти. Возможно, строившийся там двенадцать тысяч лет назад форпост принадлежал и не ксенотам, а землянам-гипербореям, это мы ещё выясним, зато мы теперь знаем точные координаты уцелевшей базы – северный край озера Ойюр. Туда и направим экспедицию.

– Надо торопиться, – сказал Кузьмичёв. – Американцы нас опережают.

– Здесь, в России? – не понял Веселов.

– На других материках, – сказал Дэн. – По нашим данным, они откопали по меньшей мере четыре десятка баз и мест посадки древних кораблей инопланетян – в Мезоамерике, в Боливии, на севере Африки, в Пакистане.

– Нет смысла с ними тягаться, – проворчал Гордеев. – Россия по запасам таинственных мест и аномальных зон не уступает ни Африке, ни Америке. Перечень этих зон включает более тысячи наименований. В планах хроноразведки на первом месте стоит плато Путорана, архипелаг Земля Франца-Иосифа, Таймыр, Урал и почти весь Крайний Север России. В Африку и Южную Америку нам соваться не надо. Хотя посмотреть, что там нашли американцы, было бы интересно. Пока хроники работают с нами, мы вскроем прошлое всей Земли.

– А что, хроники не хотят с нами работать?

– Они настолько ценны, что ксеноты сделают всё, чтобы захватить их. Или в крайнем случае ликвидировать.

– Охраняйте.

– Охраняем.

– Я могу встретиться с ними?

– С обоими сразу?

– Желательно по очереди.

Гордеев покосился на Дэна.

– Организуем, – пообещал спец по компьютерным технологиям.

– Благодарю. – Веселов повернулся к генералу. – Объём работ мне более или менее понятен, Феофан Свиридович, но хотелось бы определиться с конкретной целью. Когда работаешь за границей и выполняешь чьи-то указы – это одно, когда приказываешь сам – другое.

– Цель зашифрована в названии нашей системы – «Триэн», – сказал Гордеев. – Никого над нами! Ни американцев, ни азиатов, ни ксенотов! Я не уполномочен говорить обо всём человечестве, но Россия должна самостоятельно решать свою судьбу.

– Это всего лишь пропагандистская доктрина, – усмехнулся полковник СВР. – Вы прекрасно знаете, что не все земные этносы способны защитить человечество от пришельцев. Зато они прекрасно сотрудничают с ними.

– Не мы к ним прилетели со своим уставом, я имею в виду ксеноагентуру, а они к нам. Прилетели? Хорошо, давайте знакомиться, сотрудничать, обмениваться опытом. Не хотите? Убирайтесь отсюда ко всем чертям!

– А вы пробовали с ними контактировать?

– Не один раз, – хмыкнул Дэн.

– Они здесь, хотим мы этого или не хотим, – закончил свою мысль Гордеев. – И пытаются навязать нам свои порядки, запустили процесс тотальной инволюции, превратили человечество в стадо! Мы потому и сформировали команду, которая противостоит этой тихой агрессии, что общемировые институты всех форм давно служат ксенотам. Да и государственные структуры тоже, вплоть до спецслужб. Они ведь не затеяли ядерную или тектоническую войну, хотя могли. Погибло бы не только человечество, но и всё живое, планета превратилась бы в радиоактивную пустыню или в сотрясаемый рождением гор шарик. А Земля им нужна чистая,

чтобы они могли жить и отдыхать здесь, не считаясь с аборигенами. Вот почему ксеноты ведут войну с нами не на физическом приоритете, а на оккультно-психологическом. Именно он и уничтожит человечество как разумную систему, инволюция не пощадит никого: ни бедных, ни богатых, исчезнут все народы, все этносы, даже самые пассионарные, как китайский и африканский. И вы спрашиваете, какова наша цель?

Веселов остался невозмутим:

– Считайте мой вопрос тестом на эрудицию, полковник.

– Скорее уж это тест на вшивость, – так же невозмутимо отрезал Гордеев. – Мы все хорошо подкованы теоретически, не нужно нас экзаменовать.

– Прошу прощения, если обидел. Хотя я и в самом деле так и не понял, почему ксенотам нужна именно Земля. Нынче установлено, что практически все звёзды Млечного Пути имеют планеты, выбирай любую и живи. Может быть, у вас есть объяснение?

– Таких планет, как наша, – сказал Дэн, – раз-два и обчёлся на всю Галактику. Вот и лезут. – Он помолчал и вдруг хихикнул: – Мой приятель из статуправления как-то показал мне газету с рисунком. На рисунке вдали видна летающая тарелка, небо, звёзды, а на переднем плане зелёный уродец обнимает берёзу. Закрыв три глаза и шепчет: «Родина...»

Кузьмичёв поиграл бровями, но обрывать увлечёвшегося аналитика не стал. Зато у Веселова появился вопрос.

– Что вы хотите этим сказать? – осведомился он.

– Существует гипотеза, что все нынешние ксеноты – бывшие жители Земли, переселившиеся к другим звёздам, но мечтающие вернуться. Точнее, вернуться хотят их потомки. Да вот незадача – человечество мешает.

Веселов сделался задумчивым.

– Я бы поразмышлял над этой идеей, она вполне транспарентна. Так вы считаете, что ксеноты воюют с нами на оккультно-психологическом уровне?

Дэн бросил взгляд на Гордеева.

– Разрешите, Иван Петрович?

Гордеев кивнул.

Дэн достал из кармашка булавку флэшки, повернулся к Кузьмичёву:

– Товарищ генерал, можно попользоваться вашим компом? А то с мобика читать неудобно.

– Валей. – Кузьмичёв включил компьютер.

Дэн вставил флэшку в гнездо на клавиатуре, развернул монитор.

Веселов с интересом наблюдал за его приготовлениями.

В экране сооткнулся из световых лучей белый лист с крупным текстом на русском языке. Название документа гласило: «Отчёт Сверхчеловека».

– Вы знакомы с этим посланием? – поинтересовался Дэн.

– Минутку, почитаю. – Веселов погрузился в чтение.

Гордеев откинулся на спинку кресла. Послание Сверхчеловека стало известно спецслужбам недавно, и хотя эксперты разошлись во мнениях, считать ли его фальшивкой или же истинным выражением эмоций одного из «пастухов», контролирующих «стадо»-человечество, в «Триэн» к нему отнеслись серьёзно. Уж очень близко к тому, что происходило в мире, в том числе в России, было описано в Отчёте. По мнению Ивана Петровича, автором текста был ящерочеловек. Хотя, возможно, это был и житель Земли, человек, завербованный ксенотами и отслуживший им верой и правдой весь срок своей жизни.

Вспомнились строки Отчёта.

«Наше время возвращается.

Нас преследовали и гнали, но мы умеем менять форму и оболочку, приспосабливаться к любым условиям, и мы выжили.

Наша цель одна – быть владыками! Ваша участь – быть вечными рабами. Мы успели привить вам ген рабства навсегда.

Мы дадим вам ещё множество революций и перестроек, у вас будет вечная борьба за справедливость, но вы её никогда не получите.

За нами гигантская непобедимая сила. Нам покорились все ваши спецслужбы: ЦРУ, Моссад, ФСБ, прокуратура, полиция. И все верхние институты власти! Под нашу дудку пляшут короли, президенты, главы Церквей, руководители общественных организаций, лидеры партий, вскормленные нами и выполняющие нашу волю как свою собственную. Наши команды воспринимаются чиновниками на уровне нейролингвистического программирования. А что будет, когда мы окружим планету спутниками с психотронными генераторами? Попробуйте организовать сопротивление зомбированной толпе!

Тупых, жадных исполнителей и просто дураков мы специально ставим и будем ставить на руководящие посты, они – наша броня и защита, и число их легион! Благодаря им вы уничтожаете знания и опыт своих предков, множите их ошибки.

По нашей воле вы опустошаете недра планеты, загрязняете экологию, идёте с оружием друг на друга. И когда это нам выгодно, мы помогаем вам убивать друг друга.

Это мы выбили из вас чувство достоинства, гордости, самоуважения, благородства, превратили вас в потребляющее быдло, в толпу, отрицающую сострадание и милосердие. Да вы скоро и совсем забудете эти императивы.

Мы допустили только одну ошибку – затянули процесс обывления. Но финал не за горами. Мне девяносто, и я не увижу его, но ухожу удовлетворённым. У меня остались преемники, и они будут всегда.

Один из ваших повелителей

Евгений Казимирович Деев».

Полный текст послания Гордеев не помнил, но и того, что отложилось в памяти, было достаточно, чтобы понять изощрённое издевательство писавшего: он всеми фибрами чёрной души ненавидел человека!

Веселов дочитал Отчёт, отодвинулся. По лицу его прошла тень.

– Странно, что я не читал это письмо раньше. Выяснили, кто писал? Явно не иностранец.

– Это писал помощник первого президента СССР, – сказал Кузьмичёв. – Хотя у него была другая фамилия. Он был одним из идеологов так называемой перестройки, которую затеяли в России ящеролюди. И он тоже из них. Точнее, запрограммированный ими. Такие типы легко проникают во власть, оставаясь незаметными, и спокойно проводят политику своих хозяев. Есть такие помощники и у нынешнего президента, и у премьера, и практически у всех чиновников высшего эшелона власти. А некоторые сами занимают немалые посты, такие, как министр образования и науки, министр культуры или здравоохранения. Но это всё вы должны знать не хуже нас. Отсюда цель ксенотов – глобальное подчинение человечества – абсолютно понятна. Если же мы не подчинимся, они вполне способны устроить всеобщую войну на уничтожение, для чего уже испытали не один вид климатического и литосферного оружия.

– Гаити, – сказал Дэн.

– Гаити, Фукусима, Спитак, Иран, Китай, да и на России был испытан генератор ионосферного пробоя. Короче, противник у нас настолько мощный, вжившийся в роль глобального оператора, что его даже упомянуть в прессе нельзя – заключают журналюги на службе ксенотов. Их как бы и нет, а то, что есть, придумки фантастов, легенды и мифы. Недаром говорят, победа

дьявола кроется в том, что он убедил всех в своей нереальности. Но к делу. Иван Петрович, есть новости по задержанным ксенотам?

– Есть, – мрачно сказал Гордеев после паузы. – Как мы ни старались обезвредить их программы самоликвидации, в коме держали, химией потчевали, оба... умерли. Вчера.

В кабинете стало тихо.

Веселов прищурился, но спрашивать ничего не стал.

– Это уже четвёртый самоликвид, – сказал Дэн. – Не можем расшифровать, на каком уровне эта программа записана. Всем ксеноагентам встраивается система самоуничтожения на случай захвата. Сердце останавливается – и кирдык. Последний случай – с аналитиком «Ксенфорса» Носиным, мы вообще захватили его в бессознании, вовремя по башке стукнули, и он всё равно соскочил.

– Всё, что мы успели сделать, – добавил Гордеев, – так это узнать координаты столичных оперативных центров «Ксенфорса» и «Герпафродита». Драконы обосновались в здании московской мэрии, их владыка – зам мэра по строительству Бесин Арнольд Метаксович. Его псевдо – Главный Админ, если верить Кореневу, который работал руководителем контрольного департамента Управления Внедрения «Ксенфорса». Второй офис «Ксенфорса» расположился в здании Московской газовой биржи на Берсеневской, зам её главы – Новихин Игорь. Мы планировали заслать туда своего разведчика, но не успели, «Ксенфорс» отреагировал на захват своих агентов с похвальной быстротой.

– А «Герпафродит»? – спросил Веселов.

– Эта змеиная структура заседает в здании Генпрокуратуры, и мы считаем, что ею руководит лично генеральный прокурор. Вернее, загримированный под него змеечеловек. Но у «Герпафродита» не один центр, а по крайней мере десяток. Мы недавно вычислили второй – в яхт-клубе «Валдай» на озере Селигер.

– Сведения проверены?

Гордеев отрицательно качнул головой.

– Делаем всё возможное.

Веселов пожевал губами, глянул на генерала.

– С вашего позволения, Феофан Свиридович, я возьму под контроль это направление.

– Будьте так любезны, Юлий Тарасович. Вы свободны, полковник. И вы тоже.

Гордеев и Дэн встали, кивнули, вышли.

В машине Дэн спросил:

– Как вам наш новый «бугор»?

– Поживём – увидим, – мрачно ответил полковник, у которого внезапно испортилось настроение.

3. Уваров

На пустыню сошла ночь, взошли звёзды, но Луны не было. Не появилась она и спустя два часа, когда Уваров вернулся сюда, в центр Канадской равнины, бывшей полсотни миллионов лет назад огромной пустыней без единого признака жизни. Одинокие скалы и каменные останцы, похожие на остатки башен и словно обработанные руками человека, ржаво-красные или чёрные, лишь подчёркивали мёртвую неподвижность и тишину песков. Хотя они здесь и не казались лишними.

Но Уварову дали задание посмотреть, что было в Канаде двадцать тысяч лет назад, и за два часа он чуть ли не двадцать раз выходил из «хроношахты» памяти в прошлое и каждый раз видел одно и то же: пустыню, останцы, звёзды и островерхие шпили, принадлежащие неизвестно кому и замершие в пустыне навечно. Чтобы выяснить, кто их построил и зачем, надо было спускаться ещё глубже в прошлое, а на это у Сан Саныча не было ни желания, ни разрешения начальства в лице Гордеева.

Он задержал взгляд на шпилях. Точнее, это сделал его предок, глазами которого он сейчас видел пустыню. Возможно, шпили были остатками крепостей, возведенных в Канаде древними её обитателями ещё до появления пустыни, а возможно, космическими кораблями пришельцев, не дошедшими до нынешних времён, занесенными впоследствии песками или утонувшими в болотах.

По крайней мере теперь становилось понятно, почему по центральным канадским провинциям рыщут спецэкспедиции американцев, прячущиеся под названиями «археологические». Они искали остатки баз пришельцев на всех континентах, а это означало, что у них тоже имеются свои хроноразведчики.

Луна наконец нашлась. Но Уваров знал, что она стала спутницей Земли не одномоментно с планетой, её создали искусственным путём полтора миллиона лет назад, используя пролетающую мимо планету в качестве ударного инструмента. После этого вырванный из Земли кусок и сформировался в Луну, причём – полую внутри, о чём земные учёные спорили до сих пор. Впоследствии Луну использовали в своих целях все, кому это было нужно, от земных диносапиенсов, лемурийцев и атлантов до пришельцев.

Выбравшись из дебрей памяти в реальность, данную ему в ощущениях, Уваров тихонько, чтобы не разбудить жену и внучку Светану, сходил на кухню, попил чайку со сникерсом и забрался обратно в кровать. Шёл уже первый час ночи, на работу приходилось вставать рано, потому что жил он на улице Матвеевской, а работал в Научно-исследовательском ядерном университете на Каширском шоссе, и путь от дома до лабораторного корпуса бывшего Московского инженерно-физического института занимал около двух часов. Это если не было пробок. Поэтому вставал Уваров в шесть часов утра, приучив организм довольствоваться тем, что оставалось на ночной отдых.

Жена Уварова Светлана работала инженером-исследователем в Курчатовском атомном институте, и ей тоже приходилось добираться до работы долго, но делала она это реже, так как дежурила сутки через двое.

Он улёгся поудобней, вспомнил разговор с Гордеевым.

– Нас интересуют Луна и Марс, – озабоченно сказал руководитель «Заставы». – Это главный приоритет на сегодняшний день, не считая, конечно, матушки-Геи.

– Я бы с удовольствием полетал по Галактике, – признался Уваров. – Исключительно красивая структура. До своих хронопутешествий я считал, что наш Млечный Путь состоит всего из четырёх звёздных рукавов, а их оказалось чуть ли не два десятка.

– Млечный Путь подождёт, – качнул головой Иван Петрович. – Мир готовится заселять Луну и Марс, и нам точно надо знать, где сядут наши корабли.

– То есть там, где были базы ксенотов, – согласился Уваров. – Помню и уже готовлюсь, изучил все доступные карты Луны и Марса.

– Начинайте, время не терпит, а работы очень много. Кроме Марса нас интересуют и другие планеты Солнечной системы, так что скучать не придётся.

– Я и не скучаю. А чем занимается Костя Ватшин?

– Исследует территорию России, но у него тоже непочатый край работы. К сожалению, ксеноты не оставляют надежд завербовать вас или выкрасть, взять в плен, говоря военным языком, поэтому может возникнуть необходимость переезда. Как вы к этому относитесь?

– Отрицательно, – помрачнел Уваров. – Я ведь не один живу, у меня двое детей, внучка, у нас в Москве всё схвачено, организовано, устроено, внучка скоро в школу пойдёт.

– На новом месте будет то же самое, беспокоиться по этому поводу не придётся. Подумайте, прогнозы не слишком оптимистичные. Ватшину, кстати, предстоит то же самое.

– Хорошо, подумаю.

Так Уваров оказался перед дилеммой: продолжать ли сотрудничество с триэновцами, вынуждающее менять сложившийся образ жизни, или отказаться и предстать перед лицом нешуточной опасности, которую представляли инопланетяне, внедрившиеся в земной социум драконы и герпы, получившие собирательное, очень точное, хотя и полупрезрительное название «ксеноты».

Жене о своих опасениях и сомнениях он пока ничего не говорил, хотя верил, что она его поймёт при любых жизненных раскладах, в любых обстоятельствах.

Сон не шёл.

Поворочавшись полчаса, Уваров поразмышлял над заданиями Гордеева и решил «погулять по Марсу». В конце концов, задания всё равно надо было выполнять, а лежать в темноте и мучиться от бессонницы не хотелось. Отосплюсь в следующий раз, решил он.

Можно было, конечно, посидеть в кабинете и посчитать варианты онлайн-компьютерной игры, с которой он возился уже три месяца, но желание увидеть космос оказалось сильнее.

Мысленное «тело» Уварова превратилось в сгусток невидимого поля и рванулось в пространство памяти, как выпущенный из пращи камень.

Он увидел-почувствовал всю Солнечную систему (предки свободно летали в космосе, и память хранила их впечатления), полюбовался медленно всплывающими над зернистым жидким пламенем Солнца протуберанцами, нашёл все планеты, неспешно – с точки зрения внешнего наблюдателя – движущиеся по орбитам, направился было к Марсу с двумя бусинами спутников, но мысль «на секундочку» заглянуть в глубокое прошлое Вселенной победила.

Уваров сосредоточился на преодолении весьма солидного интервала времени длиной в десять-одиннадцать миллиардов лет и выплыл в океане ранней Вселенной, ещё не достигшей тех размеров, какие она имела нынче.

Он уже знал, что ранний космос, возраст которого достиг двух с лишним миллиардов лет, был ареной постоянных конфликтов. Новорождённые галактики сталкивались друг с другом гораздо чаще, чем спустя тринадцать с половиной миллиардов лет, а их ядра представляли собой хаотические скопления звёзд, ещё не слившихся в чёрные дыры. Галактик с чётко выраженной спиральной структурой тогда было очень мало, скопления звёзд галактического масштаба напоминали рыхлые комья снега. И Уваров это видел. Зато почему в ту эпоху всё-таки попадались галактики, завитые в спирали, ломать голову долго не пришлось. Посмотрев на недавно обнаруженную астрономами галактику ВХ 442 в разных временных отрезках, Уваров понял, что она – изделие неких разумных сил, которым понадобилось таким образом сохранить в динамике объединённую разумом Сверхсистему.

Это была не первая «вертушка» – галактика со спиральными рукавами (как правило, рукавов насчитывалось не больше трёх), и все они представляли собой структурированные системы звёзд, сформированные созревшими в этот период цивилизациями.

Полюбовавшись «вертушкой», Уваров «вернулся» из далей памяти, подумав, что его предки уже в те времена умели преодолевать чудовищные космические расстояния и созерцать картины мироздания, иначе эти знания не смогла бы уберечь генетическая память человечества, и это не стало бы достоянием памяти хроников.

Жена мирно спала, раскинув руки; в спальне было душно.

Уваров открыл пошире дверь балкона, пропуская в комнату ночную прохладу, проверил, не душно ли в спальне внучки, лёг снова.

Однако сон как заколодило – веки упрямо отказывались смыкаться, спать по-прежнему не хотелось.

Тогда он вызвал в памяти карту Марса, выбрал район «хроновысадки» – экваториальный разлом Хриса – и отправился в путешествие на десять миллионов лет назад.

Марс интересовал человека давно, с момента создания первых телескопов.

К началу двадцать первого века по его поверхности уже ползали созданные землянами механизмы, а в две тысячи семнадцатом году к нему устремился корабль «Dragon Rider» – «Драконий наездник», построенный частной космической компанией SpaceX, с посадочным модулем на борту, который доставил на Красную планету партию запчастей для строительства базы.

Не сильно отстала от покорителей Марса и Россия, специалисты которой сконструировали корабль «Амур», способный долететь до Марса и вернуться обратно. А так как руководству «Роскосмоса» не меньше руководства НАСА хотелось первыми найти следы разумной жизни, то место посадки выбиралось тщательно и не в тех районах, где собиралась строить базу компания SpaceX. Вот почему Гордеев поспешил дать задание хроникам «погулять» по Марсу прошлых времён и выяснить, была ли там цивилизация или нет, а если была, то где могли сохраниться остатки её сооружений и технологических центров.

Психосоматическая матрица Уварова, которую в некотором приближении можно было назвать душой-личностью, легко преодолела барьер между памятью оперативной и памятью генетической, безошибочно определила местонахождение планет Солнечной системы десять миллионов лет назад, и перед его внутренним взором возникла красная горошина Марса с двумя искорками спутников – Фобоса и Деймоса.

Трудно сказать, почему он выбрал именно этот отрезок прошлого. Показалось, что это будет правильно, хотя, по данным марсианских роверов, плотную атмосферу Марс потерял более трёхсот миллионов лет назад, и нырять надо было в ту эпоху. Но Уварову захотелось проверить работоспособность своей интуиции, и память послушно выдала ему требуемое – вид на Марс десятиллионлетней давности.

По-видимому, предки мотались по Солнечной системе, как люди по улицам города, иначе это событие – пролёт мимо Марса – в памяти не отложилось бы.

Красная горошина скачком увеличилась в размерах, раз, другой и третий, превратилась в оранжевую полосатую дыню, подёрнутую желтоватой дымкой. Затем по указке Уварова «дыня» начала поворачиваться, и, хотя прошло немало времени, прежде чем он разглядел марсианские ландшафты, в конце концов ему удалось найти очертания каньона Кондор, о котором говорил Гордеев. С высоты в сто километров зигзаг разлома и в самом деле напоминал крылья птицы, пытавшейся взлететь с морщинистой выпуклости песчано-щебнистой пустыни.

Неизвестно, чем руководствовался Гордеев или тот деятель, которому захотелось посадить российский космолёт в этом районе, похожем издали на рисунок трещин на лобовом стекле автомобиля от попадания камня. Возможно, им показалось, что сюда свалился в древние времена не астероид, а искусственный объект.

Вниз! – скомандовал сам себе Уваров.

Однако память не послушалась. Видимо, того, кто пролетал мимо Марса, не заинтересовала область каньонов. Зато он медленно пролетел над северным полюсом планеты (северным назвал его Уваров, так как это была верхняя макушка Марса, украшенная белыми пятнами снегов), и взору наблюдателя предстала жёлтая плоскость, испещрённая геометрически правильной сетью фиолетовых жил и скоплениями круглых красноватых пятен.

Вниз! – снова приказал памяти Уаров.

На этот раз она послушалась, так как предок, очевидно, тоже заинтересовался пейзажем.

Спуск не потребовал много времени, по сути, он напоминал пикирование, разве что бесшумное и не страшное. Существо, чьими глазами Уваров рассматривал ландшафт Марса, замерло в реденьком воздухе планеты, повертело головой, отчего у самого Уварова закружилась голова: его зрение не успевало подстроиться под по-птичьи быстрые движения головы предка. Однако он всё же разглядел нечто вроде лагеря, почти полностью занесённого песком.

Над барханами возвышались оранжевые купола, соединённые не то дорожками, не то трубами, которые и создавали впечатление лагеря или городка, какие собирались строить на Марсе земные переселенцы. Уварову даже захотелось протереть глаза, так городок был похож на рисунок в Интернете – предполагаемый вид земной базы.

Но, во-первых, память ему выдала событие, происходившее на Марсе миллионы лет назад, во-вторых, предполагаемый облик земного поселения на Марсе выглядел более современным, да и модулей в нём насчитывалось всего шесть, в то время как марсианская «деревня», а может быть, какая-то технологическая зона вмещала не меньше сотни куполов.

Предок спикировал ещё ниже.

Сеть куполов раздалась в стороны, они выросли в размерах, превратились в верхушки гигантских баков, похожих на те, в которых земляне хранили нефтепродукты. Соединялись они и в самом деле трубами, а не дорожками, поэтому можно было предположить, что в этом районе сохранилась какая-то база или склад горюче-смазочных продуктов, принадлежащий древним марсианам. С другой стороны, это могла быть и база пришельцев, где хранилось топливо для их кораблей, или терминал для хранения жидких материалов, в том числе воды.

Последняя мысль понравилась Уварову больше всего, и он подумал, что надо будет сообщить Гордееву о найденном продуктохранилище. Десять миллионов лет назад оно ещё было видно из космоса, но впоследствии его занесло песками, и земные аппараты не смогли увидеть его с орбиты.

Через несколько секунд он выплыл из дебрей собственной памяти в привычную тишину спальни, хотя память ещё некоторое время «зудела и чесалась», перебирая исчезающие картины-видения прошлого. Уваров полежал на спине с открытыми глазами, успокаивая воображение, закрыл глаза и уснул почти мгновенно.

До утра ему не приснился ни один сон.

* * *

В молодости Уваров серьёзно занимался футболом, лёгкой атлетикой – бегал на короткие дистанции, потом увлёкся велосипедным спортом и получил звание мастера, участвовал в соревнованиях за Хабаровский край, где служил в армии, в ракетно-космических войсках, потом за Москву и Московскую область. Но спортом вечно заниматься нельзя, и он взялся за науку, уже в тридцать три года став доктором физико-математических наук.

Можно было уехать за границу, куда его приглашали, но он остался в России, так как безумно любил родину, и большую, и малую, и не мыслил жить вдали. Нынче он работал в Ядерном университете, как стал именоваться Московский инженерно-физический институт, был на хорошем счету у начальства и мог заниматься любыми направлениями ядерной науки,

выбирать темы и готовить студентов к защите диплома. На конвенте математиков в Санкт-Петербурге ему вручили престижную премию «Золотой интеграл», однако никто из коллег не догадывался, что именно благодаря работе над психроникой, как Уваров назвал игровую матрицу нового типа, он и приобрёл дар воспоминаний прошлого. В его подходе играющий не просто выбирал фантом из заданного набора игровых персонажей, а подстраивал его параметры под свою личность, проектировал психосемантическую матрицу себя как игрока, и Уваров первым обнаружил эффект участия собственной психики в игре, которая позволяла переводить образы прошлого из бессознательного, из закрытой генетической памяти, в сознание.

Потом ему начали сниться необычные сны.

Ещё через месяц он научился погружаться в прошлое на любой отрезок времени и видеть всё, что происходило с предками, которые и передали ему запомнившиеся «файлы» действительности.

Наскоро позавтракав: пшённая каша с мёдом, кофе, – он поцеловал сонную жену (внучка ещё спала, а дети уже, слава богу, жили отдельно) и сбежал вниз, во двор, где его ждала машина охраны.

С этим пришлось смириться, Гордеев был непреклонен, назначая ему охрану (жене и внучке отдельно), и уже три с лишним месяца Уварова сопровождали телохранители «Заставы», не отпускавшие его одного никуда.

Уваров влез в джип «Рэндж Ровер», поздоровался с молодыми парнями, к которым давно обращался на «ты», и через полтора часа был на работе.

Вычислительный сектор прикладной математики располагался на третьем этаже лабораторного корпуса. В нём работали семь человек, включая руководителя сектора профессора Чернявского. Уваров приехал раньше всех, поэтому быстренько вскипятил воду, бросил в керамическую кружку с аббревиатурой на боку ААУ – это была его личная кружка, подаренная коллективом сектора на день рождения, – пакетик «Липтона» и устроился в своем воркбоксе – рабочем модуле с компьютерным терминалом, отгороженном от остальных модулей полупрозрачными стеклянными и гипсокартонными стенками. Включил компьютер, натянул на лобастую голову, покрытую серебристым пушком, дугу коммуникатора. Когда в помещении появились остальные сотрудники сектора, он уже был недоступен для общения.

В обед позвонил Женя Федорчук, бывший сокурсник, работавший в последнее время на приборостроительном заводе «Электрон» в Королёве. Женя был классным парнем, весёлым и добродушным, и общаться с ним было легко и приятно.

– Привет, старый, – бодро поздоровался он. – Сидишь небось за компом?

Уваров представил его широкую, щекастую, улыбающуюся физиономию, и настроение улучшилось.

– Привет, Худой, – ответил он; Евгений всегда был упитанным и объёмистым, за что и получил кличку Худой. – Сiju на работе. А ты где?

– Да и я на работе, – рассмеялся Федорчук. – У нас не забалуешь, завод работает на оборонку, начинку для военных спутников делаем, так что приходится корячиться денно и ночью.

– Ты ещё не директор? – пошутил Уваров.

– Для директора у меня рост не тот, но я, между прочим, зам главного технолога. Слушай, в тему заговорили, тут у нас интересные фокусы обнаружились... – Федорчук осёкся, помолчал. – Слушай, ты же преферансист? Не хочешь поиграть в дружеской компании? У нас Петро Довгаль уехал на восток, в Новосибирск, игрок нужен.

Уваров вспомнил свои встречи в компании с Новихиным, Корневым и Хаевичем, которые оказались агентами ксенотов. Воспоминания приятными назвать было трудно.

– Да не хочется.

– В другой компании играешь? – догадался Женя. – Ты как-то говорил. Одно другому не мешает. Подумаешь?

Уваров неожиданно решился:

– Вы когда играете?

– По субботам или по воскресеньям у Вовки-моджахеда.

Моджахедом они дразнили Володю Кабанова, отпустившего усы и бороду и весьма похожего на кавказца.

– В субботу я не могу, обещал внучку сводить в зоопарк.

– Давай в воскресенье. Начинаем в одиннадцать утра и до трёх-четырёх дня.

– Где он живёт?

– Могу заехать. Вовик живёт на улице Танкистов, недалеко от метро «Речной вокзал».

От твоего дома ехать полчаса.

– Хорошо, созвонимся в субботу и договоримся точно.

– Отлично, старый, буду рад тебя видеть. – Голос Жени в наушнике айкома пропал.

Настроение поднялось ещё на пару градусов.

Во-первых, Уваров давно не играл, а преферанс он любил как великолепный способ расслабленной психоконцентрации. Во-вторых, встречи с Федорчуком всегда были позитивными, поэтому их можно было считать лечебными сеансами. Плюс разговоры ни о чём, мужской треп, общие воспоминания, неизбежный стёб и хохот. Живём, мужики?

В таком ключе он и закончил рабочий день, настраиваясь на воскресенье.

* * *

Сели за стол в начале двенадцатого.

Федорчук шутил, рассказывал анекдоты, его поддержал Кабанов, Уваров тоже сподобился рассказать парочку смешных историй, чувствуя себя на подъёме, что его самого удивило, пока не вспомнил, что атмосфера игры с прежней компанией была иной, там он вынужден был выглядеть солидным, – и лишь четвёртый игрок, Костя Борщёв, не принимал участия в общем веселье. Он был мрачен и, очевидно, поэтому не сыграл три игры подряд, ни обычную шестерную, ни трефовую семерную, ни мизер. В школе его дразнили Борщом, в институте чекистом, уважая аббревиатуру его фамилии, имени и отчества – КГБ, что расшифровывалось как Константин Григорьевич Борщёв.

Женя наконец заметил «отсутствие» приятеля.

– Чекист, ты чего смурной, лимон съел? Или что дома случилось?

– За державу обидно, – проворчал Костя.

– С какого бодуна? – удивился Федорчук. – Ты же не состоишь в патриотическом фронте, дома строишь.

– А что, строитель категорически не может переживать за наш бардак? – осудил Женю Володя. – Мне тоже за державу обидно, хотя и я не состою в патриотических клубах.

– А тебе за что?

– Да за всё! Куда ни кинься – везде воруют! Какую ТВ-программу ни включи – везде судят коррупционеров, а их число только множится.

– Понятно, ты обыкновенный потребитель ТВ-жвачки. Ну а тебе что не нравится?

– Про грядущий праздник «Дни славянской письменности» слышал? – поднял бровь Костя.

– Хороший праздник, собирался даже сходить в музей с женой.

– А понял, чем он не хорош?

– Нет.

– Его устроители звонят во все колокола: до Кирилла и Мефодия русские не имели ни письменности, ни культуры! А знаешь, что сделали Кирилл и Мефодий на самом деле?

– Не-ет.

– Оскопили Всеясветскую грамоту, в которой было не тридцать букв, точнее, буков, а сто сорок семь! Славяне-русские имели грамоту, то есть письменность, не меньше десяти тысяч лет назад! Наши предки писали мало, обходясь законами справедливой жизни, но знали грамоту задолго до всяких там арабов, египтян, турок, всех европейцев вообще и даже индийцев с китайцами!

– Да ну!

– Погуляй по Интернету, там много чего на эту тему выложено, хотя и мусору много.

– Подтверждаю, – улыбнулся Уваров.

– А ты откуда знаешь? Ты же математик.

– Культуру и традиции обязаны знать и помнить не только гуманитарии, но и технари. Жаль, что Минкульт не спешит с разработкой такой программы.

– Чиновникам это не надо, – скривил губы Федорчук.

– Это верно.

– Будем мы ещё об этой чуме говорить! Чекист явно не с той ноги встал. Колись, что у тебя произошло? Дети плохо сдали ЕГЭ?

Костя отмахнулся.

– При чём тут ЕГЭ? Мои дети уже институты покончали. Встреча у меня была в департаменте образования, дочка пригласила. Представляете, в государстве, созданном русскими, из текста Конституции выброшено слово «русские»! Все населяющие Россию народности есть, а русских нет! Это как понимать? Если все СМИ трубят о мафии, пьянстве и терроризме, то все бандиты – русские, а как заговорят о великих достижениях, их творцы – россияне! Как бы ничьи! Да и это не самое страшное. Послушал я, о чём говорят умные люди, и душа заплакала.

В комнате стало тихо.

Игроки молча разглядывали приятеля, по лицу которого ходили тени.

Костя поднял голову, в глазах его стояло горестное недоумение.

– Если бы вы знали, как Русь оплёвана и духовно подавлена! И не только на Западе – в стране, в России, в народе! Мы же вырождаемся – в хапуг, алкоголиков, воров и шабес-гоев, в жалких прислужников Руси. Не поверите, больше всех кричат о нас как о быдле наши же правозащитники!

Женя хмыкнул, похлопал друга по плечу.

– Попей водички, полегчает. Правозащитников и я не жалую, все они получают мзду из-за бугра, ты посмотри пофамильно, кто в этой системе торчит.

– И вообще есть другая Русь, – веско проговорил Володя-моджахед. – Не всё так плохо. Я поездил по российской глубинке и знаю другую Русь и других русских. Вы не представляете, насколько они открыты, искренни и доверчивы. Обнять и плакать, как говорил мой сын. Так что не всё ещё пропало, есть люди, с которыми не страшно идти в разведку. И вообще, мы что, собрались дискутировать о политике? Кто сдаёт?

– Я, – взялся за карты Костя.

– Поехали, иначе только настроение испортим.

Больше о серьёзных вещах не заговаривали, да и Борщёв перестал хмуриться, так как карта пошла к нему, и он сыграл подряд две семерных.

Закончили игру к четырём часам, честно поделили выигрыш (играли по два рубля – вист, профессионалы не играют «на интерес»), Костя проиграл, как и Женя Федорчук, выиграл Володя и остался при своих Уваров.

Расходились умиротворённые, договорились встречаться по воскресеньям.

– Задержись, – попросил Женя Уварова.

Когда Костя ушёл, Женя увёл математика на кухню, выразительным жестом указав Володе на дверь:

– У нас секретный разговор.

Володя не обиделся, в сущности, он был мягким и добрым «моджахедом».

– Ладно, посекретничайте, я вас потом бобровым шашлыком угощу.

– А что, из бобрятины тоже шашлыки делают? – удивился Женя.

– Делают из всего, что движется, должен бы знать.

– Сам делал, что ли? Где бобров ловил?

– Очень смешно. Шашлык мне привезли из-под Очакова, очень вкусный. Сейчас-то он уже остыл, вкус не тот, но попробовать стоит. Я даже рецепт записал. Берёшь шесть лукович, мясо бобра режешь кубиками, лук на тёрку, имбирь, кумин, тмин, три ложки яблочного уксуса, лимон, перец, всё перемешиваешь и этим маринадом покрываешь мясо. Мариновать не меньше трёх часов, тогда запах отбивается полностью.

– Ладно, мы подумаем, – пообещал Женя.

– Могу ещё рецепт бобрового сотэ дать.

– Запиши, пока мы пару минут поговорим, – сказал Уваров серьёзно. – Да и рецепт шашлыка тоже.

– Ага. – Володя убежал в гостиную.

– Зачем тебе рецепт сотэ? – не понял Федорчук. – Ты что, собираешься готовить блюда из бобрятины?

– Просто занял человека. Что ты хотел сообщить?

– Понимаешь, – Женя поскрёб макушку, походил по кухне, прикасаясь пальцами к чашкам и тарелкам, – технолог я не слишком опытный...

– Опusti подробности.

– Короче, чтобы не быть вахлаком, пришлось проштудировать все технологические процессы, тем более что мы переходим на крутые нанотехнологии. Я тебе уже говорил, завод делает процессоры для спутниковых бортовых компьютеров, электронные умножители изображений, антенные решётки, резонаторы... и я обнаружил, что, кроме всего этого, прописанного в технологических картах, завод изготавливает какие-то детали и узлы, которых нет в заказах.

– Ну?

– Что – ну? Мы не должны их делать! На выходе эти детали должны подвергаться ОТК, а их нет! То есть они есть, но куда-то исчезают до стадии контроля.

– Куда?

– Да я и не разбирался.

– Разберись.

– Ты... не шутишь? – неуверенно спросил Женя.

– Какие могут быть шутки? Кто-то делает на заводе левую продукцию, да ещё неизвестного назначения. Представляешь, какие могут быть последствия?

– А кому сообщить?

Уваров пожевал орешек.

– Пока никому, мне в первую очередь. А я передам кому следует во избежание геморроя. – Уваров подумал о Гордееве.

Конечно, на заводе и в самом деле могли изготавливать какое-то «левое» оборудование, не проходящее через бухгалтерию и финансово-контролирующие органы, с подачи главного технолога или самого директора, получивших немалые откаты. Но ведь в использовании мощностей завода могут быть заинтересованы и ксеноты? Интересно, что в этом случае они заказали?

– Можешь тихонько выяснить, что именно изготавливается? Чтобы только никто тебя не застукал за этим занятием.

– Попробую. Ты думаешь...

– Ничего не думаю. Скорее всего ты наткнулся на коррупционную веточку высокого начальства. Им заплатили, они тихонько организовали процесс изготовления контрафакта. Поэтому никому ни слова, работай скрытно и осторожно. Кто у вас главный технолог?

– Коробейников... Вацлав Мартович.

– Последи за ним – с кем встречается, кто к нему приходит.

– Если смогу, – криво улыбнулся Женя. – Я же не контрразведчик, в конце концов.

– Правильно, не будем рисковать. Я переговорю с одним знакомым, он подскажет, что делать. А пока – держи язык за зубами.

На кухню ворвался Володя с листком бумаги в руках.

– Вот, записал.

Уваров взял листок, похлопал приятеля по плечу и вышел.

Усевшись на заднее сиденье джипа рядом с парнем по кличке Корень (по имени его никто не звал), он позвонил Гордееву.

4. Игра в прятки

Переход на полностью бесконтактную связь не стал для Гордеева камнем преткновения. «Застава» и так жила по принципу «никого не видно», используя криптосистемную защиту мобильной сети, компьютерную связь, а когда нужно – и рации скрытого ношения. Но с помощниками и командирами подразделений полковник предпочитал встречаться лично, поэтому, позвонив капитану Соломину, которого все иначе как Соломой не называли, сказал только три слова:

– Шестьдесят семь, час.

Это означало, что встреча состоится через час в конспиративном терминале, расположенном на территории шестьдесят седьмой больницы. В охране больницы работали сотрудники «Заставы», которые негласно опекали два офиса в деловом корпусе, где располагалось подразделение оперативного анализа.

Машину Гордеева – «Субару Визив» – пропустили за шлагбаум на Карамышевской набережной без требования показать пропуск. Его исключительно стильный ультрасиний автомобиль знали все. Самого полковника здесь считали руководителем одной из частных фирм, снимавшей офисы в новом корпусе.

Бывший десантник ВДВ, а ныне командир спецотряда особого назначения «Заставы» Соломин Виктор Андреевич, светловолосый и улыбчивый, уже сидел в кабинете Гордеева, перекладывая на столе какие-то бумажки, диски и книги. На скрип двери он встал.

– Здравия желаю, господин фельдмаршал.

– Садись, – не принял шутливого тона Гордеев, пожимая ему руку. Включил компьютер, бегло просмотрел поступившие сообщения. – Что у тебя? Коротко и по делу.

– Слушаюсь. – Солома рассовал записки и всё остальное по карманам, подвинул книгу Ивану Петровичу. – Рекомендую почитать. Может, возьмём этого человека в отдел по правам?

– Что это?

– Сидоров, «Дар влюблённым».

Гордеев хмыкнул.

– Я уже вышел из возраста влюблённых.

– Здесь речь идёт не только о любви, но и о традициях, и о многом полезном, чего обыкновенный народ не знает. Я сам обалдел, когда мне её подсунули.

– Кто?

– Дэн.

Гордеев качнул головой.

– Разносторонний парень, не скажешь, что якут.

– Он якут? – удивился Солома.

– Дэн – аббревиатура его паспортных данных: Дугарай Эрдемович Номгон.

– А выглядит русским, и глаза не косые, как у якутов.

– Чем меньше людей знает, что Дэн вообще существует, тем лучше.

– Согласен, пусть остаётся просто Дэном.

– Как наши подопечные?

– Нормально, не суетятся, понимают ситуацию. Сан Саныч постарше, у него вообще к жизни философское отношение, Костя Ватшин в этом ему уступает, но проникся нашими проблемами и не психует. Да и жена у него умница, не запаниковала. Ребятам с ними легко.

Капитан имел в виду телохранителей.

– Всё равно рано или поздно придётся их переводить на режим «нелегал».

– В собственной стране, – помрачнел Солома.

– Орлы Васина заметили двух подозрительных типов в конторе биржи.

– Когда?

– Сегодня утром. Очевидно, «Ксенфорс» пытается восстановить своё гнездо там. А это означает, что ксеноты налаживают связи и внедряют своих агентов. Скоро придут и за хрониками.

– Мы будем готовы.

– Я не об этом.

– Я-то за передислокацию, но парней надо предупредить заранее.

– Вот и займись.

– Слушаюсь.

– Вот еще что. Мне позвонил Сан Саныч с очень странным заявлением. Он играл в преф с парнями, с которыми учился в институте, и один из них, Федорчук, работающий заместителем главного технолога на заводе микроэлектроники в Королёве...

– «Электрон», что работает на оборонку?

– Он самый. Так вот Федорчук обнаружил, что завод изготавливает какие-то детали и узлы, не проходящие ни по каким технологическим картам. Их даже ОТК не тестирует, они идут прямо на склад и там буквально растворяются в воздухе. Ты понимаешь, что это может означать?

Соломин взъерошил волосы.

– Что за детали? Чей заказ?

– Их нет в заказах. Но завод их производит!

Гордеев внезапно вспомнил строки Отчёта «сверхчеловека», выданного Дэном Веселову: «Мы создадим сеть психотронных генераторов вокруг Земли...» Сеть психотронных генераторов... на спутниках! Не узлы ли генераторов и производят на «Электроне»?

– Надо немедленно все проверить!

– У нас там никого нет.

– Попробуйте задействовать того парня, зама главного технолога, который выдал инфу Уварову.

– Хорошо, сделаем.

– Если я прав...

Солома смотрел выжидающе, и Гордеев закончил с прорвавшейся угрозой:

– Мы возьмём их за яйца!

5. Непредвиденное

Два последних дня Ватшин изучал Таймыр. Сначала как географический район, полуостров, омываемый водами Карского моря и моря Лаптевых, затем как источник эзотерических надежд и, наконец, как район предполагаемой высадки двенадцать тысяч лет назад предков славян – арктов после гибели легендарного северного материка Гипербореи.

Впрочем, в те времена материк этот находился на экваторе, как и Антарктида – истинная Атлантида, покрывшаяся льдами после переброса земных географических и магнитных полюсов.

Ватшин уже знал, что переброс был не случайным и не спонтанным, в войне Атлантиды и Гипербореи было применено мощнейшее тектоническое оружие, в результате чего полюса сдвинулись на девяносто градусов, а ось вращения планеты была сбита на двенадцать градусов, что и привело к катастрофическим последствиям, в том числе к наступлению ледникового периода.

Почему Гордеев попросил Ватшина посмотреть историю Таймыра, Константин понял: с юга полуостров подпирался северным уступом плато Путорана, а на Путоране ждали своего часа спящие в недрах гор, в пещерах и болотах сокровища северного народа, два тысячелетия обживавшего неуютные ныне земли. Надо было обследовать весь этот край, чтобы экспедиции заинтересованных людей, в первую очередь триэновцев, во вторую чекистов, не ломились сквозь тайгу, болота и буераки и не тратили время и силы понапрасну.

Начал Ватшин с гряды Бырранга, тянувшейся с юго-запада на северо-восток, самой высокой горой которой была гора Ледниковая высотой тысяча сто сорок шесть метров.

«Спуск на лифте» памяти в прошлое не занял много времени. Константин делал это теперь так же легко, как дышал или пил чай.

Предки посещали эти края, иначе он ничего бы не увидел. Однако, опустившись на двенадцать тысяч лет в прошлое, он увидел парящие над горами «ладьи» с прозрачными пузырями «парусов» и с интересом принялся рассматривать картины жизни предков, строивших города вдоль побережья.

Впрочем, городами эти необычного вида скопления строений назвать было трудно. Скорее это были базы или склады, внутрь которых грузились разноцветные кольца и полусферы контейнеров. Людей почти не было видно. Они управляли многолапыми механизмами, одетые в меховые, белые или серебристые куртки с капюшонами, и все были молодыми, светловолосыми, суроволицыми и, за редким исключением, голубоглазыми.

Поднявшись чуть «выше» в будущее, на пару сотен лет, Ватшин увидел на этом же месте горящие леса, затянутое дымом побережье, сверкание огней в небе и понял, что попал в разгар сражения. Кто с кем сражался, понять было невозможно, однако после этого сражения искать в здешних местах уцелевшие базы северных переселенцев уже не имело смысла, и Ватшин, сделав около полутора десятков «хроновысадок» на полуостров, вычеркнул Таймыр из перспективных районов поисков сокровищ. В нынешние времена здесь нечего было искать, если не считать территорию плато Путорана, не только спецотрядам ФСБ, но и ксенотам. Они, судя по всему, интереса к Таймыру не проявляли.

Был вторник, четырнадцатого мая, старославянский праздник Еремея Запрягальника. Ватшин не увлекался историей славянства, но от дедов знал, что на Еремея по ранней росе сеяли рожь, приговаривая: рой в глубь пласта – будет рожь густа.

Жена ушла на работу, вернее, телохранители увезли её в муниципалитет Юго-Западного округа столицы, где она работала ведущим специалистом в сфере нормативно-правовой базы, и Константин остался один.

Не торопясь, напился кофе, сел за компьютер.

Минут двадцать начинал писать главу нового романа, названного «Они здесь», и стирал текст. Тогда ему пришло в голову позвонить Уварову.

Математик отозвался после непродолжительного молчания:

– Костя? Рад слышать.

– Ты где?

– На работе.

– Может, я вечером перезвоню?

– Да нет, можем говорить свободно, я один в своём ящике.

– Над чем работаешь?

– Дорабатываю игровую матрицу... или ты о служебном задании?

– Да я, в общем, просто так звоню, с утра что-то не работается. Задумал написать роман по следам своих хронопутешествий, а теперь мучаюсь.

– В чём затык?

– Нет тяги. – Ватшин подумал и признался: – И страшно!

– Посоветуйся с Иваном Петровичем, мне кажется, наша информация не должна засвечиваться даже в романах.

– Я хотел написать про цивилизацию в ядре Млечного Пути. К тому же мне он ничего не запрещал. Да и в Интернете можно сейчас найти любую информацию о пришельцах, гораздо более убедительную.

– Интернет – случай особый, туда можно влезть анонимно и остаться неузнанным, а мы с тобой качаем инфу не оттуда. Вообще тебе не кажется, что анонимность Сети создаёт впечатление абсолютной вседозволенности и свободы?

– Не кажется, так оно и есть, мои герои не раз об этом говорили. Именно мнимая вседозволенность и подсаживает на эту иглу малолетних юзеров.

– Не только малолетних. У меня взрослые дети, но и они по вечерам торчат в Сети. Правы социологи, мы воспитали поколение, которое высшей ценностью считает отсутствие ответственности за свои высказывания и трёп в Сети.

– Плюс неподконтрольность.

– Это уж как пить дать. Пацанам, привыкшим к безнаказанности, к халяве, в первую очередь нравится бесконтрольность. Однако извини за моё брюзжание, я тут схватился вчера с соседом спорить, потом пожалел. Он считает, что нам надо быть терпимее к запросам молодёжи, толерантнее. А я человек нетолерантный, терпеть ненавижу хамов и халявщиков, считающих себя повелителями мира.

– Я на той же позиции. Кто-то образно выразился, что толерантность – это наркотик, вроде обезболивающего, превращающего человека в беззащитное животное, согласное с любой пыткой. На самом же деле вся история человечества – история нетерпимости.

– Красиво говоришь, Венедиктович.

Ватшин смутился.

– Привычка формулировать мысли в литературные пакеты.

– Хорошая привычка, особенно для писателя. Чем занимаешься в последнее время?

– Дома?

– Я имею в виду походы.

– Был в Сибири, смотрел плато Путорана, Долину Смерти на Вилую, полуостров Таймыр.

– Нашёл что-нибудь?

– Очень много... хотя до наших времён вряд ли мои находки дожили. Я спускался на десять-пятнадцать тысяч лет в прошлое, видел высадку переселенцев с Арктиды-Гипербореи, видел и сражения. Сначала землю наших предков окунули в воду с помощью тектонического оружия. Потом заморозили.

– Это и я видел.

- Да? Разве ты не бродишь по космосу?
- Брожу, но и по России походил, Иван Петрович просил.
- Зачем? Он мне не доверяет?
- Подозреваю, что нас проверяли. Атлантиду тоже опускали на дно океана наши предки, прежде чем она превратилась в Антарктиду. Ты ещё не исследовал те края?
- Нет, задания не было. Моя следующая цель – Земля Франца-Иосифа. Но я и сам могу посмотреть.
- Я уже сподобился, подо льдами Антарктиды лежит настоящая страна сокровищ, если под сокровищами понимать остатки городов атлантов, сооружения и техцентры. Впрочем, как и под толщей воды и льда в центре Арктики, где была Гиперборея.
- А что ты искал в космосе?
- Уваров тихо рассмеялся:
- Цивилизацию на Марсе.
- Ватшин рассмеялся в ответ:
- И я ходил по Марсу. Ты на сколько лет опускался?
- На десять миллионов. Мои предки шастали по Солнечной системе...
- Мои тоже.
- Очевидно, у нас были общие предки. Но не суть. Мои... наши предки заглядывали на все планеты Системы, в том числе и на Марс. Я нашёл там склад ГСМ.
- Что?!
- Ну, это сверху похоже на склад горюче-смазочных материалов: баки, трубы, всё почти занесено песком, но сверху было видно. А ты где был?
- Долину Маринера прочесал, опускался на пятьсот миллионов лет. Видел нечто вроде чёрных металлических черепах, усыпанных огнями, но рассмотреть, что это такое, мне не дали. Предка то ли сбили, то ли отогнали, то ли он сам удрал оттуда. В общем, нет сомнений, что на Марсе была цивилизация.
- У меня другое мнение.
- Серьёзно? Не шутишь?
- Марс использовался ксенотами как перевалочная база и как источник полезных ископаемых. Я тоже видел металлических черепах, но это скорее автоматические заводы по добыче руды и выплавке металлов. Ксенотов изначально интересовала Земля, а Марс и Луну они приспособили для расположения там лагерей и для контроля за жизнью на нашей планете.
- Ватшин поискал возражения:
- Там были и города, я видел.
- Были поселения, небольшие, не масштабные, нечто вроде наших строительных комплексов. Впрочем, я не настаиваю на своей гипотезе, Марс ещё изучать и изучать. Может, там и была цивилизация, очень давно, а потом её ликвидировали те же ксеноты, заставив воевать марсиан меж собой.
- То же самое происходит и на Земле. Только нынешние ксеноты действуют умнее, им загаженная радиацией и химией территория не нужна.
- Согласен.
- Где ещё ты путешествовал?
- Да я, если честно, каждый день куда-то лечу... внутри самого себя. Нашёл вот недавно планету, блуждающую по Галактике самостоятельно, не привязанную ни к какой звезде. А вообще работы много, мне в первую очередь предложили обследовать Солнечную систему на предмет поиска чужих баз.
- Про планету расскажи, – загорелся Константин.
- Она дрейфует в потоке молодых звёзд группы АВ Золотой Рыбы и сравнительно молода, ей всего пара сотен миллионов лет.

– Как ты определил?

Уваров развеселился:

– Сразу видно, что ты не лирик, а физик. Такие подробности интересны только физикам. А насчёт возраста... у меня хороший внутренний определитель. Шучу. Я поговорил с экспертами Гордеева, они и подсказали. Планета находится всего в сотне световых лет от Солнца и, вероятно, представляет собой «недозвезду» – коричневый карлик, внутри которого из-за недостатка массы не могут протекать термоядерные реакции.

– Странно.

– Что странно?

– Зачем твоему предку, передавшему тебе память, надо было лететь к этому карлику? Там есть жизнь?

– Точно не знаю, ничего особенного я не увидел. Огни какие-то на поверхности. Планета раза в три-четыре массивнее нашего Юпитера, обладает мощной атмосферой... а вообще ты прав, предки просто так не летали по звёздам, какой-то интерес к этой планете у них был. Попробую вернуться и посмотреть на неё внимательней. Хочешь идею?

– Валяй.

– Эта планета – завод по производству вирусов, которых потом ксеноты забрасывают на потенциально жизнеспособные планеты, где начинается процесс преобразования биосферы.

Ватшин засмеялся:

– Ты большой фантаст, чем я.

– Неужели идея не понравилась?

– Почему, как основа для романа вполне годится.

– Могу подкинуть ещё одну. Есть версия, причём высказанная учёными, что вирусы – искусственно созданные кем-то микробиороботы, распылённые по всему космосу. Их цель – обслуживание также искусственно созданных биозародышей, которые попали и на Землю.

– Панспермия?

– Нечто вроде. Эти роботы должны были в чёткой последовательности вводить в клетки местных живых организмов программы в виде ДНК и корректировать таким образом ход эволюции. Но за миллионы лет блуждания в космосе многие вирусы сами «сбились с пути» и превратились в убийц. Что мы и наблюдаем на Земле.

– Здорово! – честно признался Ватшин. – Идея что надо! Под таким углом я на вирусы ещё не смотрел. Можно воспользоваться?

– В принципе идея не моя, об этом уже начали разговаривать в Интернете. Буду рад, если ты порассуждаешь на эту тему. Ты не сильно занят?

– В каком смысле? Пишу роман, работаю с инфой. Твою идею помещу в запасник. Или ты другое имел в виду?

– Приезжай ко мне вечером, поговорим. Можешь с женой.

– Хорошо, я ей предложу, хотя не уверен, что она согласится.

– Тогда до вечера.

Ватшин допил холодный кофе, сосредоточился на вхождении в состояние перехода из осязаемой реальности в мнимую, создаваемую мыслесферой, и заставил себя отвлечься от всех мешающих работе мыслей. Через несколько минут он незаметно для сознания перешёл границу миров, воображение унесло его в иные дали, и он стал жить в романе как в реальном мире, не ощущая его иллюзорности.

До обеда время пролетело незаметно.

Уставший мозг – всё-таки процесс творения отнимал много энергии – сам переключил сознание на материальную основу, и Константин, проведя ладонью по лицу, удовлетворённо потянулся. Поработал он основательно, почти дописал главу, вдохновение не раз оведало голову крылышками, и глава получилась исключительно интересной и впечатляющей.

Душ освежил.

Ватшин сварил свежий кофе, снова собираясь подсесть к компьютеру, но в это время зазвонил мобильный. Номер был Уварова. Гадая, что понадобилось математику на этот раз, Константин нацепил на уху петельку наушника.

– Сан Саныч? Что забыл?

– Ничего, – глухо проговорил Уваров. – Умер мой друг... внезапно... остановка сердца. В воскресенье ещё в преф играли, а сегодня он... В общем, вечером меня не будет дома, встретимся в другой раз.

– Бог ты мой! Как это произошло? Он сердечник? Болел?

– В том-то и дело, что никогда не жаловался на сердце. Сейчас поеду туда, узнаю.

– Понял, звони.

Ватшин выключил телефон, расстроенный известием. Но тот зазвонил снова.

– Что-то ещё? – автоматически спросил он, не глянув на номер.

Ответом была тишина.

– Кто звонит? – Он глянул на светящееся окошко айкома. Там плавали два слова: «Абонент неизвестен».

– Кто звонит?

В наушнике хрюкнуло, раздались гудочки отбоя.

– Чёрт бы вас побрал! – вслух выругался Ватшин.

Телефон зазвонил в третий раз.

– Какого дья... – Он вовремя прикусил язык, услышав голос: звонил редактор издательства «Недетская литература» Дима Большов, заменивший на посту главного редактора фантастики Колю Быстровича, перешедшего в другое издательство. – Ох, простите. Дима?

– Да, это я, Константин Венедиктович, – отозвался Большов. – Хотелось бы обговорить с вами условия переиздания цикла романов «Генезис». Мы решили запустить новую серию – «Бриллиантовая библиотека» и хотим начать с вас. Не возражаете?

– Ни в коем разе, – удивился и обрадовался Константин.

Ровно неделю назад тот же Большов отказал ему в переиздании романа «Посланец», ставшего бестселлером после издания, интересно, что изменилось?

– Можете подъехать сегодня?

– Вполне.

– Тогда мы вас ждём, до встречи.

Забыв о двух предыдущих звонках, Ватшин заскакал по комнатам, отыскивая «парадно-выходной» костюм. В издательстве он всегда появлялся франтом, чувствуя, что его элегантный вид нравится работавшим с Большовым редакторшам.

Собрался быстро, потрогал в меру гладкий подбородок, поколебался немного, решая – бриться или не бриться. Заставил себя выскоблить лицо до блеска.

Лосьон после бритья «Булгари» dokonчил уход за лицом. «Вкусно пахнешь», – как говорила Люся, целуя мужа; лосьон был её подарком, она любила этот запах.

Ватшин позвонил дежурной смене телохранителей, спустился вниз.

В связи с охраной он теперь редко ездил на своей машине – «Субару XV», купленной вместо разбитого внедорожника «Ниссан», и каждый раз, выезжая куда-то на джипе триэновцев, мечтал сесть за руль своего авто.

Выехали на Севастопольский проспект.

– Что пишете? – спросил коренастый, скуластый, большегубый сосед Константина по имени Лёня. Он всегда держался подчёркнуто вежливо и не забывал расспрашивать писателя о творческих успехах.

– Роман «Победитель», – ответил Ватшин, не вдаваясь в подробности.

– О чём, если не секрет?

– О пришельцах, – тем же тоном ответил Константин, размышляя о звонке Большова. Лёня понял его настроение и отстал.

– Лёнь, за нами увязалась белая «Лада Ромео», – заметил водитель джипа Саша.

Лёня оглянулся.

– Давно?

– Минут пять.

– Попробуем оторваться.

Джип метнулся вправо, потом влево, обгоняя несколько машин кряду, увеличил скорость.

Белая «Лада» отстала, но через несколько минут вновь появилась в зеркальце заднего вида.

– Пасут, – покачал головой Борис, сидевший рядом с водителем.

Лёня взялся за телефон:

– Второй, я сто первый, едем по Ленинградке в сторону издательства, за нами пристроилась белая «Лада»-«утюг», номер С 444 ММ, подмосковный регион, прошу пробить номер.

Что ему ответили, Ватшин не услышал, Лёня сказал «есть» и спрятал усик микрофона в воротнике безрукавки.

– Едем так, будто ничего не замечаем.

– Без проблем, – отозвался водитель.

Джип занял правую крайнюю полосу и перестал вилять.

Свернули на улицу Космонавта Волкова, потом на улицу Клары Цеткин, остановились у главного входа в издательский корпус «Недетской литературы».

– Где они? – спросил Борис, обшаривая глазами шеренги автомобилей у издательства.

– Были где-то сзади, – ответил Саша. – Видимо, остановились заранее, за машинами не видно.

– Значит, знают, куда мы направились. Лёха, спроси у глазников, формат сопровождения не меняем?

Лёня снова выдвинул усик микрофона:

– Второй, мы на месте. Пробили номер? Да... понял. Рекомендации?.. Понял.

– Что советуют? – поинтересовался Борис.

– Номер подмосковный, машина принадлежит департаменту природопользования Московского района. Нам предлагается ВИП-2.

Борис повернулся к Ватшину, сидевшему с отсутствующим видом.

– Вы надолго, Константин Венедиктович?

Ватшин встрепенулся.

– На полчаса, не больше.

– Пошли.

Борис вышел первым, открыл заднюю дверцу, выпуская Константина, внимательно следя за движением на улице. Лёня вылез из машины следом.

У Ватшина был личный пропуск в издательство, который ему выдала сервис-пропускная служба ещё год назад, поэтому он прошёл за турникет без задержек, поздоровался со знакомыми охранниками на входе и дежурным оператором связи. Лёне и Борису пришлось предъявлять документы в окошко пропускного пункта, чтобы им выдали разовые пропуска.

Поднялись на четвёртый этаж, по широкому светлomu коридору дошли до двери с номером 421, за которой располагалась редакция фантастики.

– Можете подождать здесь, – сказал Ватшин, кивая на диванчик перед стойкой секретаря и здороваясь с проходящими мимо сотрудницами издательства.

– Я только загляну туда и уберусь, – вежливо, но твёрдо сказал Лёня.

Он открыл дверь, бросил взгляд на столы с компьютерными терминалами, за которыми работали молодые парни и девушки, подчинённые Большова, отступил назад.

– Всё в порядке, ждём вас.

Ватшин зашёл в комнату, поздоровался, кивнул на отгороженный закуток, в котором сидел главный редактор отдела.

– Дима здесь?

– Здравствуйте, Константин Венедиктович, – пригласила его младший редактор Наташа, выполнявшая роль секретарши. – Дмитрий Анатольевич только что появился, разговаривает по телефону. Вы с ним договаривались о встрече?

– Договаривались, – коротко ответил Ватшин.

– Мне он ничего не сказал, проходите, пожалуйста.

Ватшин открыл дверь рабочего модуля Большова, вошёл.

Редактор с кем-то разговаривал по мобильному. Увидев гостя, он привстал, пожал ему руку, указал на стул.

– Хорошо, пусть пока снимет полосу, мы посчитаем, что дать в пакет рекламы. – Он закончил разговор, улыбнулся. – Извините, Константин Венедиктович, обычная суета. Какими ветрами вас к нам занесло? Предупредили бы – я бы приготовил чего-нибудь вкусенького к кофе.

Ватшин озадаченно поднял брови.

– Вы шутите? Мы же с вами час назад разговаривали, вы звонили и предложили переиздать мой цикл «Генезис».

У Большова вытянулось круглое лицо, в глазах протаяло изумление.

– Константин Венедиктович, это вы, наверно, шутите? Я вам не звонил.

Ватшин растерялся, пролепетал:

– Вы собрались запустить новую серию «Бриллиантовая библиотека»...

Большов засмеялся:

– Это вас кто-то разыграл.

– Не может быть... я узнал ваш голос...

Большов прижал руки к груди.

– Честное пионерское, я не звонил! Мы собирались запускать новую книжную серию, был разговор с директором два месяца назад, но продажи упали, и проект решили не начинать. Вы действительно слышали мой голос?

– Без шуток! Иначе зачем бы я к вам ехал?

Большов покачал головой.

– Вас действительно кто-то разыграл, хотя сегодня не первое апреля. Голос человека можно подделать легко, возможностей хватает. Подумайте, кто из друзей мог это сделать. Или из врагов. – Дима хохотнул.

– У меня вроде бы не было врагов...

– Ну, завистников наверняка хватает. Как идёт работа над романом?

– Идёт, – пробормотал Ватшин, расстроившийся до жажды отомстить неведомому «другу».

– Ждём с нетерпением, даже, вполне возможно, увеличим тираж. Заходите к нам в любое время.

Ватшин пожал протянутую руку, переживая странное ощущение, что его обманули, вышел из редакции.

Борис и Лёня, делавшие вид, что они свои здесь, поднялись с диванчика, подошли к нему.

– Что случилось? – насторожился крепыш Лёня, увидев недовольную мину на лице писателя.

– Идёмте, – хмуро сказал Ватшин.

Телохранители переглянулись, догнали его.

– Константин Венедиктович, будьте добры, что произошло? Нам это важно.

– Они меня не ждали.

– В смысле?

– Мы условились, что я подъеду обсудить договор... а Дима утверждает, что он вообще мне не звонил.

– А когда он звонил?

– Я же говорю, он утверждает, что не звонил. Хотя голос был его.

– Вы хотите сказать, что с вами кто-то говорил голосом Большова?

– Я думал, сам Дима.

– Кто-то сработал под него, – сказал Борис. – Может, и «Лада» появилась не случайно?

Всё взаимосвязано?

Ватшин вытаращил глаза.

– Вы думаете, что меня специально...

– Вызвали в редакцию, изменив голос под голос вашего Димы. Кому-то нужно было, чтобы вы поехали в издательство. Лёха, звони Соломе.

Леонид снова выдвинул усик микрофона, вызвал командира спецотряда, коротко поведал ему о своих сомнениях и предположениях, выслушал ответ:

– Понял, капитан, ждём. – Он посмотрел на Бориса, потом на Ватшина. – Подъедет группа прикрытия, нет смысла рисковать. Нам бы переждать часок в тихом месте. Найдётся тут такое?

Ватшин подумал о бельэтаже на шестом этаже издательского корпуса, где он не раз давал интервью телевизионщикам, но бельэтаж примыкал к приёмному комплексу генерального директора, и втроём туда идти было неудобно, секретарша генерального восприняла бы это как вторжение.

В голову робко стукнулась мысль о столовой издательства.

– В подвале у них столовая... кафе... и бар... можем посидеть там.

– Отлично, Константин Венедиктович, ведите.

Лифт послушно понёс гостей на первый этаж.

Глава 2

Настоящее. Третья сила

1. Извне-1

Белая «Лада Ромео» остановилась за разлапистой «Порше Каннибал».

Находившиеся в её салоне пятеро мужчин какое-то время сидели молча, неподвижно, как манекены, и лишь движения глазных яблок всех пятерых говорили о том, что это живые люди.

Трое из них были экипированы как бойцы полицейского спецназа – в чёрные костюмы «ниндзя» со множеством приспособлений для ношения оружия и спецтехники. На головах у них были надеты чёрные шапочки-маски с прорезями для глаз и рта.

Четвёртый член группы был в обычном, гражданском, летнем костюме песочного цвета. На его лице, тяжёлом, угрюмом, бугристом, с широкой складкой брезгливо изогнутых губ, подбородок выглядел неожиданно маленьким, «девичьим». Седоватые волосы угрюмого были коротко подстрижены.

Водитель «Лады Ромео» ничем не выделялся из сотен таких же водителей, одетый в джинсы и футболку. В его блёкло-голубых глазах застыло выражение скуки.

Прозвучал зуммер рации.

Сидевший рядом с водителем седоватый мужчина выпрямился.

В наушнике раздался густой басовитый голос:

– Доложите обстановку.

– Он в издательстве, – после паузы бросил седоватый.

– Не понял. Вы же должны были перехватить его «до».

– Его охраняют.

– И что с того? Вам выдали его на блюдечке! Всего-то и надо было остановить машину в узком переулке, ликвидировать охрану и забрать хроника.

– Они повели себя странно, начали отрываться, а потом поехали ровно. Это означает, что они нас срисовали. Мы решили подождать и убедиться, что дополнительного сопровождения нет.

– Такие операции просчитываются заранее, чёрт побери, и совершаются внезапно, Битер, только тогда они успешны. Неужели я вам должен разъяснять азы перехвата? Сворачивайтесь!

– Мы его возьмём.

– Если они поняли, что за ними следят, а они получают подтверждение, когда писатель узнает, что его не вызывали в издательство, то вызовут подкрепление. Уходите оттуда!

– Все группы на местах. Никакой суеты не замечено, значит, они не придали значения нашему маневру, никто их не подстраховывает. Он выйдет, и мы его возьмём.

– Битер, вы понимаете, чем пахнет срыв операции? Вы уже один раз провалились, когда он ехал на дачу.

– Провалов больше не будет. Если мы заметим, что к нему едет подкрепление, отступим.

Собеседник седоватого Битера, а это был Главный Админ драгонов, который уже много лет исполнял роль зама мэра Москвы по строительству Арнольда Метаксовича Бесина, помолчал несколько секунд.

– Отвечаете за операцию головой, Битер! Помните, хроник нам нужен живой и невредимый.

Разговор закончился.

Битер набрал номер мобильного:

- Шустрый, что видите?
- Всё тихо, барон, никаких подозрительных шумов.
- Он не мог выбраться из издательства другим путём?
- Другого нет.
- Следы в три глаза.
- Не пропустим, барон.
- Палец нажал несколько сенсоров.
- Стрелок, готовность один!
- Давно готовы.
- Ждите команды.
- Есть.

Битер посмотрел на спутников.

– Работаем максимально быстро! Никого не жалеть, брать хроника живым и по возможности целым.

Троица синхронно кивнула головами.

Седоватый командир группы захвата, принадлежащей «Ксенфорсу», откинулся на спинку сиденья.

2. Не успеем!

Джип притёрся к бордюру в узком проходном дворе на улице Приорова. Издательство «Недетская литература» располагалось в ста метрах от проезда, на улице Клары Цеткин, но к нему решили не приближаться, чтобы не возбуждать подозрений у возможных наблюдателей.

– Глазастик, обзор! – сказал Солома в бусину микрофона рации.

– Регистрируем один подозрительный объект, – отозвался наушник голосом командира группы информационного сопровождения капитана Глазова. – Белая «Лада Ромео» стоит до поворота справа от корпуса завода, в кабине пятеро, вооружены.

– Это всё?

– Пока всё, обрабатываем картинку со спутника.

– Побейте, плиз, писатель находится в издательстве уже почти час, его пастухи могут заподозрить неладное.

– Работаем, – сухо бросил Глазов, прозванный глазастиком не в последнюю очередь из-за фамилии. С другой стороны, он имел в своём распоряжении канал связи со спутниковой системой ГЛОНАСС, способной разглядеть на земле предмет размером со спичечную коробку, и прозвище точно отражало поле деятельности капитана.

Правда, кроме связи со спутниками, в его подчинении была хорошо отлаженная ФСБ система контроля движения, опиравшаяся, кроме спутников, на телекамерные дорожные системы МВД, а также мощные компьютеры, объединённые в комплекс «Умник», который и выдавал рекомендации обратить внимание на подозрительные объекты.

Солома связался с телохранителями Ватшина:

– Лёня, где вы?

– Сидим в кафе, пьём соки.

– Выходите.

– Есть.

– Приготовились, – оглядел свою гвардию Солома – троих оперативников, одетых в городской камуфляж.

Костюмы были вполне гражданского вида, полуспортивные, лёгкие, летние, на самом же деле они ни в чём не уступали спецкомплектam для боевых операций, разработанные и изготовленные отечественными производителями в Иванове.

Атлетически сложенные парни одинаковыми жестами размяли кисти рук.

– Мы вышли, садимся в машину, – позвонил Лёня.

– Поехали, – бросил капитан водителю. – Жми к «Ладе», мы их опередим.

Джип выехал на улицу Клары Цеткин, повернул к издательству.

Внезапно включилась рация:

– Витя, алярм! «Умник» засёк ещё несколько подозрительных объектов. Серый «Пежо 308» пристроился за входом в издательство, всем мешает, но упорно не желает подвинуться. В кабине четверо. За поворотом с Клары Цеткин на Вокзальный проезд стоит водомоечная машина-цистерна, двигатель работает, в кабине двое. Перед «Ладой» торчит внедорожник «Порше Каннибал», а на противоположной стороне улицы встал панелевозчик «Мерседес». Двигатель работает, в кабине двое.

– Чёрт! Почему так поздно предупреждаете?!

– Я не волшебник.

– Да не к тебе претензии. Сигнал полковнику – императив «похороны»!

– Звоню.

– Статус объектов?

– В данной комбинации руководитель сидит в «Ладе», остальные – оперативные колуны.

- Вооружение?
 - По оценке «Умника» вооружение серьёзное: ПП, автоматы, пистолеты, электрошокеры.
 - Понял, выходим на тропу войны. Чёрт, не успеем, всем нутром чую! Они пошли ва-банк! Тима, гони!
- Водитель втопил педаль газа.

3. У меня много жизней

Ватшин даже не представлял себе, во что выльется нынешний поход в издательство, не предвещавший никаких сюрпризов. На ум, конечно, приходили картины зимней драки на Каширском шоссе, когда он с женой поехал на дачу и его перехватили боевики «Ксенфорса», но кто бы подумал, что ксеноты решатся напасть чуть ли не в центре Москвы, солнечным днём, не обращая внимания на случайных прохожих и телохранителей. Поэтому когда вокруг всё завертелось, как в аттракционе «поймай меня», Ватшин растерялся, хотя и не настолько, чтобы вести себя чурбан чурбаном.

Из главного корпуса издательства они вышли без трёх минут час, практически в обед, когда в столовую потянулись стайки редакторш и других сотрудниц; мужского персонала здесь работало втрое меньше, чем женского.

Борис направился к джипу первым, бдительно фиксируя прохожих.

Лёня и Ватшин плечом к плечу двинулись следом.

Сели в джип, водитель сдал назад, с трудом развернулся между шеренгами стоящих слева и справа автомашин. Выехали из теснины, мимо новой высотки, возведенной недавно напротив издательства, и в этот момент началось подготовленное чьей-то злой волей движение.

Стоящий слева панелевоз резко сдал влево, перекрывая улицу.

Прятавшаяся за углом, в начале Вокзального проезда, оранжевая поливочная машина резко сдала назад и перегородила улицу прямо перед носом джипа «Рэндж Ровер», принадлежащего группе «Заставы».

– На пол! – рявкнул Лёня отнюдь не интеллигентным голосом, сгибая Ватшина пополам. – У тебя не девять жизней!

Борис выпрыгнул из машины, но на него бросились сразу трое в чёрных спецкостюмах, выскочившие из серого «Пежо», а к джипу с другой стороны рванулись ещё трое в таких же комбинезонах, с шапочками-масками на головах.

– Лежи! – Лёня толкнул дверцу навстречу первому из нападавших, сбивая его с ног, выскочил сам, но второй боевик всадил в него очередь из пистолета-пулемёта «Ёрш» и сунулся в кабину, где на заднем сиденье скорчился Константин.

– Вылезай, сука!

К плечу Ватшина потянулись рука в чёрной перчатке.

Водитель Саша выстрелил в окно, не открывая дверцу, попал третьему боевику в грудь, но это его не остановило: верзила был экипирован бронежилетом.

Начавшие было собираться в толпу любопытные бросились прочь, пригибаясь и закрываясь, кто чем мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.